

*Галина
Гончарова*

4

**ИЗНАНКА
КОРОЛЕВСКОГО ДВОРЦА**

Средневековая история

12+

Галина Гончарова

**Средневековая история.
Изнанка королевского дворца**

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Гончарова Г. Д.

Средневековая история. Изнанка королевского дворца /
Г. Д. Гончарова — «ЛитРес: Самиздат», 2014

Наконец-то ее сиятельство графиня Иртон прибывает в столицу. А что же дальше? Балы, танцы, кавалеры, любовь и интриги? Увы. Работа и опять работа: вместо балов — налаживание производства, вместо танцев — деловые переговоры, вместо кавалеров то купцы, то посланники из гильдии, а что до любви и интриг... Особую любовь, наверное, испытывают наемные убийцы. А интриги плетутся. Надо только найти интригана и выжить.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	30
Глава 3	52
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Галина Гончарова

Средневековая история.

Изнанка королевского дворца

*Для отрока, в ночи глядящего эстампы,
За каждым валом – даль, за каждой далью – вал.
Как этот мир велик в лучах рабочей лампы!
Ах, в памяти очах – как бесконечно мал!..
Душа наша – корабль, идуций в Эльдorado.
В блаженную страну ведет – какой пролив?
Вдруг среди гор и бездн и гидр морского ада –
Крик вахтенного: – Рай! Любовь! Блаженство! Риф.
Ш. Бодлер. «Плавание».*

Глава 1

Альтверская паутина

Карист Трелони лихо опрокинул рюмочку вишневки, закусил куском сочной ветчины – и довольно выдохнул.

Красота!

Можно даже сказать – восторг!

День прошел просто замечательно. Удалось сторговать кое-что из залежалого товара и по хорошей цене. Да и завтра к нему должны прийти люди.

Нет, что человеку еще надо? Дела вроде как ладятся, весна наступает, тепло, солнышко, крупное денежное вливание в середине зимы послужило неплохим подспорьем – он уже успел один раз прокрутить эти деньги, а может, и еще раз прокрутит, пока за ними кто-нибудь не явится.

Обманывать Карист не собирался. Не те люди. Но сделать небольшой гешефт – от этого купца и смерть не удержит. Тем более, Карист был из таких, кто ради прибыли и из гроба встанет.

Прибыли...

М-да...

Замечательное весеннее утро омрачила одна мысль.

Барон Авермаль.

Вот ведь!

Не полагается благородным заниматься торговлей, а они все равно лезут... Мальдонаи на них нет!

Да еще как лезут...

Раньше-то Авермаль так не разворачивался. А вот в эту зиму...

Добыл откуда-то невиданные диковинки – и принялся торговать. Словно с неба ему свалилось!

Одно кружево чего стоит!

Карист был вполне осведомлен о его цене. И знал, что один из ханганов выложил кружевной платок золотыми монетами в два слоя. И считал, что дешево взял.

А янтарь? Ладно обычный морской мед! Но белый? Алый?

А зеркала, в которых видишь себя так отчетливо, что даже страшно – вдруг сейчас двойник выйдет из зеркала?

И все – ему!

Ужас!

Купцы не любили торговать зимой. Но к Торию только что не в очередь записывались. Понимали, что на таких вещицах состояния сделать можно.

Карист и сам хотел! Куда там!

Торий выслушал его – и вежливо послал... погулять. Мол, у него уже компаньон есть, вот он и против посторонних в деле. Гад такой!

Знать бы, кто ему все это делает. Уж Карист не сплеховал бы. Развернулся.

Да и господин заплатит за такое известие. В столице, кстати, появились и зеркала, и кружево... но пока только у короля, принцесс и нескольких знатных людей. Откуда?

Прислала графиня Иртон. Это-то Карист знал. Но опять-таки...

У графини не спросишь. До Иртона далеко... Да и откуда там такие чудеса? Захолустье! Дыра, куда солнце не заглядывает...

Размышления купца были оборваны грохотом двери.

– А?! – дернулся мужчина.

И застыл. В лавку входили... входила целая процессия. Первыми шли четверо вирман. Они быстро оглядели все вокруг, заглянули в заднюю комнату, и Карист услышал лязг закрывающегося засова. А помощника он сам на сегодня отпустил. Хотя... будь тут хоть три помощника – вот много сопляки пятнадцати лет навоюют против таких акул?

Что-то подсказывало Каристу, что его и отряд королевской гвардии не спас бы. Уж слишком целеустремленными выглядели вирмане, набивающиеся в лавку. Двое из них подошли к купцу – и встали по обе стороны, положив руки ему на плечи.

– Не дергайся.

– Г-господ-да... – голос Кариста откровенно дрожал. Мужчина хотел поинтересоваться, что происходит, но не успел.

– Он тут один?

Голос был определенно женский.

– Один, госпожа, – вирмане чуть ли не в струнку вытянулись.

И в лавку вошла Женщина.

Да-да, именно так, с большой буквы.

Вирманка? Сложно сказать. Такие золотые волосы встречались чаще всего у вирман. Но вот осанка... И роскошное платье из черного шелка. И браслет с изумрудами на запястье. И перстень с графской короной...

А еще – ее манеры.

Вы можете взять вирманку с острова. Но сделать из нее знатную даму вы не сможете. Стоит ей начать двигаться, говорить – и обман раскроется. А эта...

Она привыкла, что ей подчиняются.

Ничего не боится. И... рассержена?

Женщина остановилась прямо напротив Кариста Трелони. Посмотрела прямо ему в лицо. Кстати – ее глаза оказались потрясающего зеленого цвета. Как два изумруда.

В графском браслете...

– Ваше сиятельство?

Карист дураком не был. И догадался, с кем имеет дело.

– Угадал, любезнейший, – голос графини внушал серьезные опасения. Как-то она так это говорила, что на ум приходили пыточные и эшафоты. – Итак. Я графиня Лилиан Иртон. А ты имеешь кое-какие дела с семейством Дарси.

Карист аж икнул от неожиданности.

– Ну, Дарси. Есть такое. Для них переводят деньги из столицы.

– Кто?

Карист и запыряться не стал. Зачем?

– Деньги привозит капитан корабля «Розовая чайка».

– Чей корабль?

Помилуйте, да откуда ж ему это знать? Он-то не столичный, его делянка – это Альтвер. Немного торговли в Ивернее, но и все. А это? Почему его выбрали?

– Так, госпожа, все ж просто. Здесь он – уважаемый человек, не из последних...

Лиля и сама видела, что мужик не врет.

Дали ему деньги – он их передал.

Вручили письмо – отослал.

А кто, что, куда... Иногда меньше знаешь – дольше живешь.

Письма?

Передавал, есть грех. Читать не читал, понимал, что иногда лучше не знать. Но передавал. Графство Иртон?

Да, слышал. Ваше сиятельство, а не поведаете ли вы...

– Вопросы здесь задаю я, – отрезала Лиля.

Результаты были неутешительны. Карист знает мало. Слишком мало...

– «Розовая чайка». А еще корабли были?

– Один. «Золотая леди».

– Как звали капитана?

Допрос велся не по всем правилам. Но старательно. И даже с конспектами.

Лиля все записывала, чтобы потом показать Ганцу Тримейну.

Как звали капитана. Штурмана. Боцмана, помощника, матросов...

Что из себя представлял корабль? Были ли особые приметы? Скульптура на носу, заплатки...

Как часто он приходил? Когда был последний раз? Как отправляли письма?

Ах, прикрепляли на лапку голубю – и пусть летит, сам разберется... и даже не читали?

Неубедительно?

Ах, читали. Но не копировали. Нет?

Нет...

А что помним из прочитанного? Рассказывайте все, любезнейший. Гладишь, и останетесь с целыми пальцами. И ушами. А то вирман спушу – у них давно руки чешутся.

Ага. А о чем догадывались?

Не догадывались?

Лейф!

Ах, все-таки догадывались...

Отлично.

А теперь в подробностях – о чем.

Так. А теперь берем вот этот лист... это бумага – и пишем. Чистосердечное признание.

А потом и на пергамент перепишем.

Что, руки отнялись?

Так сейчас вирмане топором подправят. Вытешем из полена – Буратино?

Лиля издевалась над купцом около трех часов.

Карист возмущался, пытался скандалить, кричать, сопротивляться, но он был один, а вирман почти два десятка. Так что попытки оказались тщетными, и ее сиятельство выяснила все, что хотела.

Когда графиня наконец ушла, Карист от души осенил себя знаком Альдоная, вытащил из-под прилавка заветную бутылочку – и допил все оставшееся, как воду. Кошмар какой!

Не женщина, а Мальдонаино отродье.

Сущее чудовище.

А вот что теперь делать?

Рассказать обо всем заказчику, который передавал деньги?

Хм-м...

Каристу казалось, что так поступать не стоит. А что тогда?

А жить спокойно. Ничего не видел, не слышал, не говорил и не знаю. И точка. Гладишь – и гроза пройдет мимо. Деревья-то она с корнем выворачивает. А вот скромный одуванчик...

Каристу очень хотелось жить...

Солнце садилось. И день уже не казался ему таким удачным.

– Ваше сиятельство, может, вернуться, прирезать этого хомяка? – пробасил Олаф.

Лиля замотала головой.

– Нет. Не надо. Если он дурак – сам нарвется. А если умный – будет сидеть и молчать.

И может еще пригодиться. Это ведь не управляющий, если мы уважаемого купца в тюрьму бросим...

Судя по лицам вирман – они бы и бросили, ничего страшного. Посидит – поумнеет. Нет у них уважения к «сухопутным крысам». Нету...

– Нам шум пока ни к чему. Еще удерут главные-то враги...

Это вирмане поняли. И закивали.

Лиля подумала, что пока все складывается очень удачно.

Они прибыли в город вечером. И она решила сразу нанести дружеский визит самому важному человеку. Тому, через которого проплачивалось ее убийство.

А сейчас придет на корабль, поужинает, выпится – и с завтрашнего дня занимается делами.

Пусть подновят корабли, запасы продуктов... Наверное пары дней на это хватит?

И – в Лавери.

По морю.

Бээээ...

* * *

Рассветный лучик заглядывал в окно.

Каюта качалась. Сейчас Лиля воспринимала это чуть полегче. Но все равно – нужно было отвлекаться от противного ощущения. Так что она перечитывала показания купца и хмурилась.

М-да. Главный враг у нее в столице. Что ему надо?

Да неизвестно. Но создается ощущение, что ненавидят не Лилю Иртон персонально. Ненависть направлена на Джеса.

А ее устраняют, потому что она просто мешает под ногами.

И Миранда.

Ну уж нет!

Не позволю!

За своего ребенка я всем тут глотки порву! Зубами грызть буду! Вы у меня, гады, все раскаетесь! Даже в том, чего не совершали... Посмертно.

– Мам?

Мири просочилась в каюту тенью.

– Да, малышка?

– Можно нам на ярмарку?

– Какую?

Оказалось, что в Альтвере есть и еще одна ярмарка. Небольшая, но ежедневная. Типа местный рынок. Лиля подумала – и кивнула.

– Кто с тобой пойдет?

– Я, Марк, вирмане...

– Кто старший?

В дверь поскреблись и в каюту заглянул Ивар.

– Ваше сиятельство, вы разрешите? Я наших женщин возьму, они за детьми присмотрят...

– Учти – за Мири, даже если она ногу сломает – персонально с тебя спрошу, – пригрозила Лиля. – Ингрид идет?

– Идет.

– Вот. И с нее тоже.

– Все будет хорошо, – заверила Ингрид. – Я за Мири присмотрю сама.

Вирманка была уже на третьем месяце беременности. И выглядела необычайно красивой. Про токсикозы она не слышала, а потому и не страдала. Наоборот – относилась к той редкой категории женщин, которых беременность только красит.

Сияли глаза, улыбались губы... и вся она словно светилась изнутри сознанием будущего материнства.

– Ингрид, под твою ответственность.

– Слушаюсь, Ваше сиятельство...

– Ваше сиятельство, – пастер Воплер просочился словно призрак. – Я хотел бы...

– Да, пастер?

– Патер Лейдер приглашал меня в гости. Полагаю...

– Если мы сходим вдвоем – это будем полезнее. Согласна. Когда?

– Может быть, сегодня?

Лиля призадумалась. Потом покачала головой.

– Пастер, мы не можем. Сегодня я приглашена к Торию Авермалю. И вы, кстати, тоже, как мой духовный наставник. А вот завтра с утра мы можем сходить на службу – ну и после службы уже...

Пастер задумался, но потом кивнул.

– Полагаю, так и правда будет лучше.

Лиля улыбнулась.

– Пастер, поговорите с Лонсом, подумайте, какой подарок лучше преподнести патеру Лейдеру?

– Может быть книгу?

Лиля замотала головой.

– Нет. Это – в Лавери. Там нас встретят более важные птицы, чем Лейдер. Кстати – привыкайте, пастер. Вы теперь не шушера из захолустья, а личный духовный наставник самой графини Иртон. Держаться надо с достоинством. И кстати – прогулялись бы вы, поговорили с сослуживцами...

– Ваше сиятельство?

– С другими пастерами. Абы кого я в Иртон не возьму. Вот и приглядитесь. Потом проведем собеседование – и в столицу.

Пастер Воплер только кивнул.

Иногда ему казалось, что Лилиан Иртон просто рвется вперед. Да так оно и было.

Женщина освоилась в новом мире, слегка передохнула – и теперь ее влекло вперед и вперед.

Опасности?

А то она в Иртоне была в безопасности! Щаз-з-з... разве что конец зимы выдался спокойным. А до того... ей-ей, в портовой забегаловке и то уютнее там хоть ясно кто и за что. А тут – все подряд. А за что?

А просто так...

Лиля вздохнула. Посмотрела на вирман и Мири.

– Пока вы здесь стоите – там уже все раскупят.

Намек все поняли и улетучились. Лиля посмотрела на пастера.

– Пастер, я не могу вам приказывать. Но я могу вас очень попросить.

– Я постараюсь выполнить любую вашу просьбу, Ваше сиятельство.

– Пожалуйста, подумайте о людях. Вы лучше меня знаете, что есть люди, которые служат Богу, а есть те, кто служит в основном себе.

Пастер сморщил нос, но промолчал. Согласился.

– Ваше сиятельство, я не стану лгать...

– Я не посмела бы просить вас о лжи. Но если вы решите, что есть вещи, которые должны оставаться только между вами – и богом...

Пастер кивнул.

– Я подумаю, Ваше сиятельство.

Лиля кивнула. Пастер вышел. А она подошла к зеркалу. Посмотрела на себя.
Надо сделать зарядку. И написать письмецо Авермалю. Надо...

* * *

Барону Авермалю ее записку доставили за завтраком.

Вся семья как раз сидела за столом. Барон с женой, два сына, три дочери, когда в дверь постучали так, что слышно было даже в столовой – а спустя минуту испуганный слуга доложил:

– Господин, к вам вирмане...

Торий вздохнул, послал супруге улыбку и вышел из столовой. А ведь жаркое точно остынет...

Но когда он увидел кто его навестил – все мысли вылетели из головы.

– Ивар? Утро доброе... Рад вас видеть.

– Достопочтенный Авермаль, я тоже рад, – вирманин вполне успешно изобразил поклон. – Ее сиятельство графиня Лилиан Иртон прибыла в Альтвер.

– Что?

– И будет рада видеть вас...

– А я-то как буду рад!

Торий не лгал. Человека, который за эту зиму увеличил его состояние мало не вдвое, он готов был встречать, любить и носить на руках. А то ж...

Раздумывал барон недолго.

– Ивар, я предлагаю вам присоединиться к трапезе. А ее сиятельство приглашаю на ужин в ее честь.

– Графиня просила передать вам...

Торий взял из рук вирманина небольшой конвертик.

– Это?

– Ее сиятельство просила передать.

Вирманин хитро усмехался.

Торий вскрыл письмо, потер в руках зеленоватый листок, совершенно не похожий на пергамент.

– Это...

– Ее сиятельство просила передать.

Торий понял, что всю информацию он получит от графини. И смирился. Пробежал глазами четкие строчки.

Господин барон, я в Альтвере на пару дней. Буду рада с вами увидеться.

Лилиан Элизабетта Мариэла, графиня Иртон.

Ничего лишнего. Коротко и по делу.

– Ее сиятельство у кого-то остановилась?

– Нет, она осталась на корабле.

– Возможно, она примет приглашение провести пару ночей под моим убогим кровом?

Вирманин пожал плечами.

– Полагаю...

– Да-да, об этом надо говорить с ее сиятельством. Подождите меня. Я сейчас соберусь и прикажу, чтобы оседлали лошадь. Съезжу с вами, лично приглашу ее сиятельство.

Ивар кивнул.

– Подождем сколько нужно.

Торий кратко сообщил супруге, что уезжает по срочному делу, поцеловал дочек и пома- нил пальцем сына.

Дарий послушно вышел за отцом.

– Дарий. Сегодня я приглашу на ужин ее сиятельство графиню Иртон.

– Эту гадину? Эту...

Плюх!

Затрещина оборвала разговор в самом начале.

– Если не можешь вести себя прилично – чтобы я тебя на ужине не видел. И никто не видел. Скажем, что ты болеешь, понял?

Дарий хмуро кивнул. Задница чесалась от одного воспоминания о графине. Хоть и зажила, но... было ведь.

– Отец...

– Дарий, я понимаю, что она тебе не нравится. Но она нам выгодна. Это ты понимаешь? Нравится сорить деньгами по кабакам? А конь, которого я тебе купил? А та гончая у Лорельса? Вот то-то же. Если графиня откажется вести со мной дела – мы потеряем многое. А она себе партнера найдет.

Дарий кривил губы. Но не спорил.

Торий поступал очень правильно. Кнут и пряник. Кнут и пряник.

Кнут был вполне реальным. А пряник... он тоже был.

Слово «выгода» обладает волшебным действием. Оно смиряет самые бурные нравы и гасит самые яростные порывы души.

– Я... наверное мне лучше не показываться, – вздохнул Дарий.

– Вот и не показывайся. Ты меня понял?

– Да, отец.

Торий потрепал сына по плечу и вышел.

Ничего. Сначала так, потом еще пара шагов – и из дурака вырастет помощник отцу. Порка иногда оказывает замечательное просветляющее действие.

Лиля заметила бы, что при этом, видимо, происходит активизация головного мозга через спинной. Но ей Торий ни о чем рассказывать не собирался.

* * *

Графиня уже успела позавтракать, а сейчас сидела за столом в крохотной каюте и писала, когда в дверь поскреблись.

– Да?

– Ваше сиятельство, к вам барон Авермаль.

– Просите! – тут же откликнулась женщина.

Дверь распахнулась. И Торий буквально влетел в каюту, рассыпавшись в комплиментах.

– Ваше сиятельство, вы очаровательны, как никогда...!

Лиля улыбнулась.

– Барон, вы мне льстите.

– Ваше сиятельство, я прискорбно приземлен. Вашу красоту надо бы воспеть в стихах...

Лиля едва не фыркнула. Это насколько же их договор выгоден барону?

В зеркале – она видела, отражалась вполне симпатичная женщина. Но и получше бывают, факт.

Можно бы и щечки похудее. И второй подбородок пока прослеживается, и складок на боках явно больше одной.

Ничего. По сравнению с тем, что было – это просто мелочи жизни.

Просто по закону подлости, последний жирок сгоняется сложнее всего. Водичку «слить» несложно. А вот этот, осадочный жир, плотный и не желающий уничтожаться...

Спорт и только спорт. Ничем другим с ним не справишься.

– Не надо, барон. Давайте лучше поговорим о делах?

– Да, Ваше сиятельство?

– Полагаю, вас устраивает наш договор?

– Д-да...

– Меня тоже. И я предлагаю продлить его. Просто за товарами придется отправляться в столицу.

Вообще, не так Торий и был необходим. Но зачем портить отношения? Лиля увидела, как барон перевел дух, и поняла, что угадала.

– Ваше сиятельство, вы позволите пригласить вас сегодня на ужин? Где мы и обсудим...

– Барон, я бы и рада принять ваше приглашение. Но со мной моя дочь, Миранда Кэтрин Иртон...

– Я буду рад ее увидеть.

– И старший сын Великого Хангана Амир Гулим.

– Он выздоровел?!

Лиля пожала плечами.

– Тахир Джимаман дин Дашшар – великий целитель. Чему тут удивляться?

– Ваше сиятельство, я надеюсь, вы передадите мое приглашение Его высочеству?

Лиля пожала плечами.

– Барон, полагаю, вы знаете, что принцу положена свита...

Торий выглядел... вдохновенно.

– Ваше сиятельство, просто скажите мне, на сколько человек рассчитывать. Поверьте, я не опозорю ни Альтвер, ни Ативерну!

* * *

Клялся барон совершенно зря.

Он-то не опозорил бы. Но вмешался случай.

Дарий, услышав от отца наставление, отправился к другу. От дома подальше.

Томми предложил парню прогуляться на ярмарку, зайти в трактир, короче – развеяться.

И результат не заставил себя ждать.

Увы, ярмарка в Альтвере – это далеко не торговый комплекс «Олимпийский». Достаточно скромное место.

И вирмане там выделялись, как собака Баскервилей в коллективе мопсов.

А дальше... что называется – воля случая.

Лейф на миг отвлекся, расплачиваясь за кожаные перчатки.

Мири увидела красивую зеленую ткань и рванула за ней, решив, что это надо купить для Лили.

Ингрид помчалась за девочкой.

И обе они вылетели аккуратно на Авермаля с другом.

Мири-то пролетела мимо. Ибо в силу мелкости и подвижности не годилась для лова. Да и незнакомы с ней были ни Дарий, ни Томми. А вот Ингрид...

Ее сложно было забыть.

– Ты! – выдохнул Дарий.

– ...!!! – выдохнул Томми.

Действительно, Ингрид была чудо как хорошо.

Золотые волосы, стройная пока еще фигура в платье уже не вирманского, а скорее Иртонского покроя – стиль ампир, голубого цвета, с пропущенной под грудью лентой, в цвет лентам в волосах...

Руки у Дария потянулись вперед головы.

Видимо, на головной мозг и одновременно на другой орган одновременно соображалки не хватило. Пальцы ухватили ленту на голубом платье. Ингрид с визгом отскочила назад. Подоспевший Лейф отпихнул Дария так, что тот полетел в ближайшую лужу, а не растерявшийся Томми заорал что есть мочи:

– СТРАЖА!!!

По тому же закону подлости – стража нашлась практически сразу.

И какова была картина, представшая их взорам?

Ингрид, почти без чувств, прячется за спину Лейфа, бароненок выбирается из глубокой грязной лужи, а Томми визжит что есть сил:

– Взять их!!!

Честно говоря, сам бы Томми с вирманами связываться побоялся. Но – Ингрид.

Выглядела она так, что у привыкших к безнаказанности мальчишек вовсе отключило все инстинкты, кроме полового. А ведь если начнется разбирательство...

Дарий, может быть, и пришел бы в себя – не дали. Не успел он еще вылезти из лужи, которая как на грех оказалась глубокой, глинистой и со скользким дном, как на Лейфа уже были нацелены копыя, а вирмане приготовились драться.

– Стоять!!!

Крик был детским, но вполне властным. А маленькая фигурка, вклинившаяся между двумя группами противников, выглядела...

Лиля заботилась не только о своем внешнем виде. Но и о виде Мири.

И девочка была одета, как маленькая принцесса. А в чем-то, может, и лучше.

Для похода на ярмарку Мири выбрала юбку-брюки и жилет зеленого цвета – и желтую шелковую рубашку. Все это было украшено вышивкой, кружевной воротник красиво облегал тонкую шейку, а янтарная брошь в виде совы на плече ненавязчиво подчеркивала, что обладательница – не из простых дворянок. Мало кому по карману будет такая редкость как белый янтарь. Да еще в таком изящном исполнении – коричневое тело, белая голова, желтые глаза... Мири сама помогала Хельке – и ценила эту брошь больше других.

Да и черные волосы были собраны гребнем с тем же янтарем... Стражники замешкались. Дураками они не были. Так вот поднимешь руку – и протянешь ноги.

Мало ли кто...

Мири не стала держать людей в неведении.

– Я виконтесса Миранда Кэтрин Иртон. Как вы смеете нападать на моих людей?

Прозвучало это вполне по-взрослому. И впечатления не испортил даже сорвавшийся в конце фразы голос.

Страшно же. Когда ты маленькая, а копыя большие... и даже собаки рядом нету... осталась рядом с Амиром...

Мири вздрогнула.

Но виду не показала.

Это – ее люди. Лиля так объяснила. Она в ответе за своих людей, а они отвечают только перед ней. И перед Мири тоже. А то как же... она – виконтесса Иртон!

– Да какая она виконтесса! – завизжал Томми. – Врешь ты все!

И улетел в ту же лужу от удара Лейфа. Сбил только что поднявшегося Дария с ног – и парни закувыркались в грязи, как два борца.

– Лейф! Стоять!

Эх, вот почему у Лили выходит рявк, а у нее только визг!

Стражники не связались бы с вирманами – они ж не самоубийцы. Но все на нервах – и движение Лейфа было воспринято, как агрессия. И требовалось срочно защищаться.

– Нееееет!!!

Мири бросилась вперед – и всем телом повисла на копые, который занес один из стражников! Только не дать бросить! Если начнется драка – ее первой затопчут!

Мужчина занес руку – отшвырнуть наглую девчонку, но не успел. Вовремя подоспевший мужчина схватил девочку, оттаскивая ее в сторону.

– Опустить оружие!!! Не смейте!!! Вас повесят!

Мири на миг перевела дух.

Тахир.

Ну хоть что-то...

– Господин дин Дашшар, мы гуляли по ярмарке, когда эти двое напали на нас – палец девочки ткнул в сторону Томми и Дария (плевать, что так некрасиво, зато действует), а когда мои люди попытались нас защитить – наравили на нас стражу!

Копья медленно опустились.

Тахир Джиаман дин Дашшар только головой покачал.

– Уважаемые хранители порядка, хвала Звездной Кобылице, что я оказался здесь. Вы могли ненароком причинить вред виконтессе Иртон...

Копья скромно убрались из виду.

Мири перевела дух. На миг.

– Никого мы не трогали! – завопил из лужи Дарий, который очнулся наконец и сообразил, что с ним сделает отец за ссору с Иртонами.

– Магистрат, – подсказал девочке тихим голосом Тахир.

– Я требую, чтобы нас всех проводили в магистрат и послали известие моей матери, графине Иртон, – громко заявила Миранда.

Вот это стражников вполне устроило.

Как бы и всех зачинщиков доставляют пред очи градоправителя, а там он пусть сам разбирается.

Главное – им не нагорит.

Наверное, они были единственными, кому в этой истории и не нагорело.

* * *

Спустя два часа инцидент был исчерпан.

Стражники действительно послали весточку графине, справедливо решив, что лучше быть, чем не быть. Лиля взвыла – и помчалась в магистрат, наплевав на все правила дорожного движения. Только чудом Лидарх никого не затоптал. А охрана догнала ее на середине пути, чем люди были весьма недовольны.

А в магистрате царило благолепие.

Лилю задержать даже и не попытались. Судя по лицу женщины – она сейчас растоптала бы даже слона, перешагнула и помчалась дальше. Чиновники себя слонами не считали вот и не полезли под руку. Лилия вихрем взлетела на второй этаж...

Торий орал на отпрыска, Миранда сидела в большом кресле и пила что-то розовое из чашки, Тахир стоял рядом, держал ее за запястье и считал пульс. Томми жался в углу, ожидая, пока придет его родитель, Лейф утешал плачущую Ингрид, которая совершенно расклеилась, а остальные вирмане поливали Дария и Томми такими пламенными взглядами, что оставалось только удивляться – почему на парнях до сих пор одежда не загорелась.

– Все живы?

Миранда слетела с кресла и бросилась к Лиле.

– Мам, я так испугалась!

Лилия подхватила девочку на руки и испепелила барона гневным взглядом. Тот ответил виноватой гримасой.

– Рассказывай, малышка...

Мири послушно пересказала все случившееся. Лилия слушала спокойно. Потом поцеловала девочку в нос.

– Миранда Кэтрин Иртон. Я тобой горжусь. Ты поступила абсолютно правильно.

Не абсолютно, но где уж маленькому ребенку все сообразить. И это-то чудо! Девочке ведь еще восьми нет, а уже так... Умничка, какая же умничка!

Лилия повернулась к Лейфу.

– Так. Лейф Эриксон Эрквиг. Какой Мальдонаи ты полез в драку? У тебя на руках беременная жена, на тебе девочка... а ты?!

Лейф потупился.

– Да я вроде как просто оттолкнул...

– Господин барон! Вашего сына осмотрели? На нем есть синяки? Ссадины? Царапины? Торий покачал головой.

Синяков не было. Разве что немного, там, где он ворочался и падал в лужу. А Лейф действительно почти не бил. Просто... силы-то разные. То вирманин, который привык направлять корабль в бушующем море, а то сопляк, которого можно пинком снести.

Лиля вздохнула.

– Лейф, если такое повторится в столице...

– Если кто-то начнет хватать мою жену своими грязными лапами – еще как повторится! – рявкнул Лейф.

– Ингрид?

Вирманка закивала.

– Они хотели...

Но Лиля уже обнаружила полуоторванную ленту на голубом платье. И к Торию Авермалю развернулась настоящая мегера.

– Господин барон. Мы отплываем. Счастливо оставаться.

Торий аж взвыл, понимая, что это – разрыв отношений. Полный. Но сказать ничего не успел.

Дарий все-таки не был законченным идиотом. Он бросился вперед – и упал на колени перед графиней.

– Ваше сиятельство, отец не виноват...

Лиля резво отпрыгнула в сторону. Хотя было, было большое желание пнуть этого кретина по челюсти. Да так, чтобы он всю жизнь протертыми супчиками питался.

Скот!

– Он виноват тем, что не воспитал сына человеком. Моя дочь, которой семь лет, ведет себя лучше, чем дворянин, которому уже за двадцать – это как?

Дарий закусил губу.

– Ваше сиятельство, хотите – казните. Только не гневайтесь...

Торий крепко сжал кулаки. Чего ждать от графини – он даже не подозревал.

Но Лиля чуть смягчилась.

– Если бы с головы моей дочери упал хоть волосок – я бы сама вас прибила. А так... я не требую наказания. Мы просто уезжаем.

– Ваше сиятельство... Вы ведь с отцом в хороших отношениях...

– Ваше сиятельство, – подал голос барон, – не смею просить вас о милости...

– Мам, он неплохой, – подала голос Мири.

Лиля тряхнула головой.

– Встаньте, любезнейший. Вас я больше видеть не хочу. Господин барон, мы отплываем завтра. Полагаю, вашей супруге нет необходимости готовить званый удин. Мы не в том состоянии...

Торий перевел дух, стараясь сделать это как можно более незаметно.

Гневается.

Имеет право.

Но партнерство уже не разорвет. Не должна.

И может быть не пороть так Дария? Все ж таки...

* * *

Лиля с трудом дотерпела до корабля, где и устроила разнос Лейфу. Впрочем, орать не стала. Прошли те времена...

А вот напомнить о беременной жене, о людях, о долге перед ними... это Лиля смогла. Да так, что вирманин вылетел из каюты с красными ушами. Досталось и остальным сопровождающим. Что, у семи нянек дитя повесилось?

Болваны!

Впрочем, от Лейфа вам все равно сильнее достанется.

Тахира Лия поблагодарила. А Мири занялась вплотную.

У девочки начался отходняк от пережитого. Малышку трясло, у нее зуб на зуб не попадал, хотя в каюте было жарко и даже душно, она цеплялась за Лию и бормотала, что было так страшно, и эти копы... и хорошо что ее учили, и она едва не... ведь и Лейф и Ингрид могли умереть...

В своего щенка она вцепилась так, что аж пальцы побелели. Пришлось отобрать собаку, пока не задушила.

Лия кое-как напоила ребенка успокоительным сбором, уложила в кровать и сидела рядом. Кстати – вместе с принцем.

Амир Гулим примчался почти сразу. Был гневен и возмущен, обещал оторвать Авермалю все выступающие части тела и скормить пустынным шакалам... Планы пришлось подкорректировать.

Явился Торий Авермаль. И с ним отец Томми. Клеменс Триоль. Купец. Но из зажиточных.

Лия оставила малышку на попечение принца, который принялся рассказывать девочке какую-то сказку – и вышла к мужчинам.

Оба раскланялись и принялись активно извиняться за своих отпрысков.

И они не хотели.

И дети дураками выросли.

И красота вашей подруги, Ваше сиятельство...

Лия плюнула. И махнула рукой.

– Барон, мы завтра будем на службе и отчалим с вечерним приливом. В гости мне к вам теперь не хочется. Сами понимаете. Я лучше с дочерью посижу...

– У вас замечательная дочь, Ваше сиятельство...

Клеменс тоже принялся расхваливать Миранду и сетовать, что за делами свой-то сын дураком вырос...

Лия со злостью посоветовала розги. Она уже знала, что если бы не Томми – все бы обошлось. Взялось идиоту орать!

Потом принялись торговаться. С одной стороны – бардак по вине принимающей стороны. Из-за их сначала недоделанных, а потом и недопоротых детей. С другой стороны – Лейф тоже сдержанности не проявил, но тут уж Лия встала грудью и заявила, что не настанет таких времен, когда воин должен сначала к судье бежать, чтобы свою жену защитить от всякой дряни...

Мужчины впечатлились. И договорились на вполне приличную компенсацию Лейфу и Ингрид. За моральный ущерб. Тут такого слова пока не знали, но...

Казни или порки Лия требовать не собиралась. Ваши дети – вы их и... того-с.

Стороны расстались более-менее успокоенные.

Торий – тем, что графиня будет поддерживать с ним деловые отношения.

Клеменс – тем, что графиня не требует разборок.

Лия – общей ситуацией. Уж очень не хотелось врагов приобретать... Но и не потерять лицо тоже важно... ладно! Все сложилось и устаканилось.

И вообще – лечь сегодня спать пораньше. Почему нет?

Посидеть с Мири, а потом там же и спать лечь. Она же тоже не двужильная...

Размечталась. В каюте ее ждал Лонс Абельс. – Ваше сиятельство, можно мне...

– Что? – почти стоном вырвалось у Лилиан.

– Два слова.

– Слушаю.

– Ваше сиятельство, вы с Авермалем дальше работать будете?

За зиму Лиля набралась от шевалье хороших манер. А он, незаметно для себя, перенял кое-что из жаргона 21-го века. Даме – и вдруг работать! Да раньше бы он и слова-то такого сказать не посмел! а тут...

– Не знаю. А что?

– Что будет при дворе – неизвестно. Но вы – графиня Иртон. Если что – мы ведь сюда вернемся...

Лиля кивнула. Она поняла. Если что – Лонс-то сюда точно сбежит с супругой и рушить отношения с Авермалем ему дело последнее. Так что надо бы...

– Что ты предлагаешь?

– Товары ему отослать. Деньги с него Лейф получит, это и так хорошо.

– А Мири? Да если бы с ее головы хоть волосок упал. – Лилию затрясло.

Шевалье вздохнул.

– Ваше сиятельство, ведь этого не случилось.

– Но могло.

– Так Дарий и не сильно виноват. Там второй орал...

Тоже верно.

– Ладно. Товары отошлю. Но подарки – нет.

– Так подарки и есть излишек. Нам в столице все пригодится, – тут же согласился Лонс. – Ваше сиятельство, я распоряжусь?

– Сама распоряжусь. Кого-нибудь из вирман позови, Олафа там, или Ивара...

Лонс вылетел за дверь. Лиля потеряла виски, в такие моменты ей хотелось обриться под ежика. Корона из кос давила на голову не хуже тернового венца. А то и посильнее. Вес-то неспоставим...

Ладно. Сейчас дождемся вирман – и спать, спать, спать...

Только перед этим...

* * *

Торий вернулся домой не слишком довольным.

Дарию досталась затрещина, жене ругательство... и барон заперся в кабинете. Где и глушил наливку, пока в дверь не постучались.

– Господин барон, тут, говорят, от графини Иртон...

Барон подскочил и помчался вниз.

Сундук был небольшим, но несли его очень осторожно. Двое вирман смотрели без всякой приязни. Но и за оружие не хватались.

– Ее сиятельство просила передать.

Письмо было кратким.

Господин барон. В силу сложившихся обстоятельств, ужин не состоится, но рушить наш договор из-за глупости вашего отпрыска и его друзей я не стану. Поэтому передаю все причитающиеся товары для последующей перепродажи.

Лириан Элизабетта Мариэла, графиня Иртон.

Уйти так просто вирманам не удалось. Они были всячески обласканы, чуть ли не силком накормлены, напоены и едва не расцелованы, пока барон писал ответное письмо.

Ваше сиятельство...

Я могу только еще раз упасть ниц у ваших ног, умоляя о прощении. И отметить, что Ваше великодушие не уступает Вашей красоте.

Я благодарен Вам и надеюсь увидиться еще раз – завтра на службе.

Вы всегда можете на меня рассчитывать.

Искренне ваш, Торий, барон Авермаль.

Немного зеркал, немного кружева, стеклянный разноцветный бисер, стеклянные кубки разных цветов... бешеная прибыль.

Дария отец не выпорол. Но посадил на хлеб и воду на три десятинки. С молитвами. Для пущего вразумления. Впрочем, Дарий был и так счастлив без памяти, что легко отделался. И даже слегка был благодарен графине Иртон. Если бы она разорвала партнерство...

А вот Томми пришлось намного хуже. Сидеть он не мог больше десятинки. А потом еще месяц сидел на хлебе и воде под домашним арестом.

* * *

Какой козел придумал, что служба должна начинаться на рассвете?

Какой козел изобрел такие ранние рассветы?

Все – козлы. Спать хочу.

Лиля откровенно не хотела идти на службу. А никуда не денешься. Надо...

Вирмане и ханганы остались на кораблях. Лилю сопровождали пастер Воплер, Лонс Авельс, Миранда, еще несколько людей Лейса, мастера, кружевницы...

В этот раз Лиля шла пешком. Благочестие-с...

У храма она встретилась с Торием Авермалем. Тот прибыл со всей семьей, кроме Дария. Раскланялся с Лилей, рассыпался в комплиментах, но Лиля приняла их сдержано и холодно. Вы еще не заслужили полное прощение. Договор есть договор, но не дружба.

Служба шла.

Патер Лейдер пел. Красиво, никуда не денешься. Но в шесть утра Лиля предпочитала спать. И подольше.

Но наконец все закончилось. Лиля решила подождать, пока все не побеседуют с патером, но куда там. Симон Лейдер почти сразу после службы подошел к ней, раскланялся – и пригласил в гости.

Лиля вздохнула. Оставила Миранду на попечение Марсии – и вместе с пастером Воплером прошествовала за Лейдером.

В «гостиной» было тепло и уютно. Горел камин, стояли кресла... Патер лично сопровождал графиню к одному из кресел, поцеловал ручку и улыбнулся так, что Лиля ощутила желание заехать ему в зубы.

А нечего на грудь глядеть такими сальными глазами...

– Ваше сиятельство, вы так похорошели с момента нашей последней встречи...

– Благочестивая жизнь в глуши пошла мне на пользу, – парировала Лиля. Откровенно нагло.

Из Иртона она уезжает. А в столице... а там мы попробуем наладить отношения с альдоном. Хотя и тут рушить их не надо. Но!

Она – графиня, а это – захолустный патер.

Прогибаться под него не будем. И точка.

– О да. Эввиры, вирмане, ханганы... ваша свита не оставляет сомнений в вашем благочестии, – патер принял вызов.

Лиля послала ему улыбку.

– Святая Лиара жила среди вирман, пытаясь обратить их в истинную веру.

– Вы равняете себя со святой?

– Вовсе нет. Именно поэтому не я живу среди вирман, а они в моем доме. Но пастер может подтвердить, что мы пытались обратить их в истинную веру.

Кенет моргнул.

– О да, патер. Я не могу сказать, что многие из них пожелали святиться, но дети вирман знают Святое слово, а они сами ходили к службе.

Ага. Иногда.

И после большого разговора Лили и Лейфа.

Лиля вовсе не собиралась посягать на чью-то веру. Но и мир в Иртоне был необходим. Поэтому примерно раз в месяц Лейф и команда таки скучали на службе. Отнеслись к этому, как к дополнительным караулам, составили график – и честно приходили послушать. Или поспать под звуки песнопений. Как настоящие воины, они отлично спали и стоя, и даже с приоткрытыми глазами.

В итоге – в Иртоне мир и покой, пастер счастлив – язычники его слушают. А вирмане спокойны – их даже задирать перестали. Хоть и безбожники, но на службу ж ходят... может, тоже поумнеют да людьми станут?

– Вот как? И многие из них пожелали святиться?

– Мы работаем над этим, патер.

Вот так. Работаем мы. И докажи обратное.

– А ханганы?

– Полагаю, если вас не устраивает присутствие в Иртоне или Альтвере наследного принца Ханганата Амира Гулима, я могу отписать об этом его отцу. Он наверняка снизойдет и проявит понимание.

Лиля улыбалась так, что патер едва не выругался. Издеваешься, зараза?

Ну я тебе...

– А эввиров вы тоже...

– Пытаюсь обратить в истинную веру.

– А праведные люди в вашем окружении есть?

– А тех, что пришли сегодня, было мало? Патер, что вас не устраивает? Я отстроила в Иртоне две храма, не считая того, что расположен в замке. Я со вниманием отношусь к словам своего духовного наставника. – Лиля уже откровенно наезжала. – Иноверцы? Так и при дворе Его Величества послы есть. Что ж теперь – выслать всех или святиться заставить?

Патер сверкнул глазами.

– А ваш супруг об этом знает, Ваше сиятельство?

– А почему вы у него не спросите?

Лиля попала не в бровь, а в глаз. Джерисон даже не подумал ответить патеру. Всякая шушера тут еще писать будет!

Патер поморщился, словно ему перец в нос попал.

– Я вообще не понимаю, патер, на каком основании вы мне тут устраиваете допрос, – перешла в наступление Лиля – Что я такого сделала, чем заслужила подобное отношение? Вы словно пытаетесь найти во мне какой-то изъян...

– Как вы могли такое подумать, Ваше сиятельство. Просто забота о душах...

– Это тоже ваш долг, я понимаю. Но пастер может подтвердить, что я практически никогда не пропускала службу и со вниманием относилась к его словам.

Разговор длился еще минут пятнадцать. Патер изворачивался и так, и этак, пытался подловить Лилу хоть на чем-то, но куда уж бедняге было равняться с девчонкой из гарнизонного городка.

Вот представьте себе.

Все у всех на виду, на одном конце чихаешь, на другом – будь здоров говорят, любую новость обсуждают по месяцу... поневоле изворачиваться и сплетничать научишься. А где одно, там и другое. Оправдываться Лиля умела виртуозно. И вообще.

Все согласно старому анекдоту.

Дорогой, я и моя подруга видели тебя в гостинице с любовницей.

Дорогая, я не был в гостинице, у меня нет любовницы, твоя подруга ошиблась, ты ошиблась, это был не я... ну и так далее.

Главное – не признаваться. Ни в чем, никогда, ни за что. Чистосердечное признание хоть и уменьшает вину, но увеличивает наказание. Однозначно.

Так что патер побился с Лилей – и плюнул. И сосредоточился на пастере Воплере.

– Сын мой, вы не хотите принести мне свою исповедь?

Пастер кивнул.

– Да, патер. Я хотел бы раскрыть душу и возможно получить совет. Мне нелегко...

Лиля вздохнула.

– Пастер, мы будем ждать вас.

– Ваше сиятельство, да не стоит...

Бесполезно.

– Пастер, вчера чуть не пострадала моя дочь. Если что-то случится с вами – я себе век не прошу. Это не обсуждается. Мы ждем вас.

И вышла обратно в храм.

Патер Лейдер ни прощания, ни прощения не удостоился. Наоборот, Лиля поставила себе галочку – узнать, за что его сюда сослали. И если удастся – сослать его еще дальше. На местные Соловки. К чёртовой матери!

Копать он под нее вздумал! Да еще так топорно!

Каз-зел!

* * *

Для пастера Воплера настал сложный момент.

Кенет отнюдь не был глупцом. О нет... Он многое видел, Многое понимал, о многом размышлял... только вот...

Он был болезненно честен в своей вере. Он знал, что Альдонай существует, готов был убеждать в этом каждого встречного и жить только по его заветам.

Ага. В юности.

Потом жизнь резко обломала его мечты.

Как обнаружил Кенет, начав жизнь пастера, вера и религия – это две большие разницы. Примерно такие же, как корова – и присосавшаяся к ней пиявка. Иначе Кенет не мог назвать тех своих собратьев по церкви, которые паразитировали на людях, пользуясь их верой и наивностью. Увы...

Оказалось, что в церкви полно мерзавцев, которые больше думают не о том, как принести свет в души людей, а о своей личной выгоде. Что любого можно оклеветать, подставить, обидеть, заслат в такой глухой угол, в котором даже и докторуса нет...

Можно.

Кенет понял, что ему никогда не выбраться из Иртона. А когда умерла его жена – потерял всякую надежду на счастье. И принялся беречь и воспитывать Марка.

Все изменилось с появлением Лилиан Иртон.

Он помнил, как горел храм.

Помнил чувство острой безнадежности.

Помнил как боялся за сына – ведь все его сбережения... чем он будет кормить мальчика зимой?

Ан нет.

Лилиан Иртон забрала их в замок, одела, обула, накормила, приставила Марка учиться... причем – вместе с юной виконтессой – это было сродни чуду.

Помощи с неба.

Подарка Альдоная.

Но когда он как-то попробовал заговорить с графиней о своей благодарности – та только отмахнулась.

– Пастер, вы что – полагаете, я могу бросить кого-то умирать голодной смертью? При чем тут благодарность? Это – нормальный поступок. Это – мой долг, как графини.

Да, но долг не включал все, что дала ему Лилиан Иртон. К Кенету вернулся смысл жизни.

Он отлично понимал, что вирмане не сильно воспринимают его проповеди. Но... пусть не святятся! Важно другое. Если он посеет в их душах и в душах их детей хотя бы одно семечко истинной веры – все уже было не зря.

Пусть не сразу, но оно прорастет.

А за Марка он вообще готов был графине руки целовать. Он не знал, что и когда от него потребуют, но был готов платить.

Увы...

Только спустя несколько месяцев он понял, что Лилиан Иртон все делала совершенно бескорыстно. Она ничего от него не ждала. Только духовной поддержки, которую он и так должен был ей оказать. Вот и все.

Она не требовала благодарности, она не торговала своими милостями, она просто делала. И пастер преисполнился благодарности.

Он видел странности графини. Но видел также, что они не несут зла в мир. Наоборот. Правильно использованные, они дадут много хорошего. Она лечила, учила, заботилась, трудилась наравне со всеми – и никогда не требовала для себя благодарности...

А вот патер Лейдер добрых чувств у Кенета не вызывал. Ибо был представителем касты церковных карьеристов и выжиг.

Кенет привычно опустил на колени для исповеди.

– Брат мой в вере, моя душа сейчас чиста и спокойна.

– И тебя не тревожат язычники?

– Графиня делает все, чтобы они узрели свет истинной веры. И я, недостойный, стараюсь способствовать ей в этом.

– И не тревожит тебя поведение самой графини?

– Брат мой, я тесно общаюсь с ней. Она добра, умна и благородна. Если бы в ней было хоть пятно черноты – я заметил бы это. Но она бережется от происков Мальдонаи.

– Да неужели?

История с Дамисом Рейсом заставила патера сдвинуть брови. А данное объяснение – мол, графиня считает, что Альдонай соединил – и расторгнуть этот союз нельзя. А осквернять свою клятву перед Богом и свое ложе – вовсе последнее дело...

Поступки Лили можно было подать по-разному – и истолковать тоже. И невольно пастер Воплер выбрал самый выгодный для графини вариант – объясняя все ее заботой о ближнем и верой в добро.

Патер Лейдер слушал, но увы... Кроме того, Кенет не упомянул о многом... ни о контрабандистах, ни о покушениях – зачем?

Это дело власти, но не церкви.

Тело, а не душа.

Из этого компромата было просто не выкроить.

Так что спустя час Кенет оставил Симона в весьма недовольном состоянии и направился туда, где его ждали.

Завтра он поговорит с двоими своими братьями по вере. Настоящими, не такими, как этот лощеный крысук. И они отправятся в Иртон.

А он – с графиней в столицу.

Страшно, да.

Но может быть это испытание в вере, которое посылает ему Альдонай?

Верую, господи.

* * *

Из Альтвера отплывали с вечерним приливом.

Лиля стояла на корме, мучилась подступающей тошнотой и мрачно мечтала об изобретении паровозов. Или самолетов.

В целом первые визиты прошли неплохо. Не считая этого случая с Авермалем. Но тут уж – пусть сына воспитывает. А то надо же! Увидел девчонку на улице – и повело!

Спермотоксикоз, однако, снимать надо. А то ведь могут и другие снять.

Вместе с головой.

Но так...

Лейф более-менее успокоился, поучив крупную сумму от Авермалю, Торий тоже приносил свои извинения, он бы и в три раза больше выплатил, лишь бы Лиля не гневалась. Факт.

Рвать контакты с Торием пока действительно нельзя. Если придется вернуться в Иртон – барон незаменим. А Лиля, честно говоря, не возражала бы.

За зиму она оценила эту глушь.

Где тихо, спокойно, уютно, теперь еще и хорошие соседи будут... если Джейми утвердят.

Хочется ли ей жить в столице?

Да на фиг!

Грязно, скучено, вонюче – и все эпидемии ее. И все происшествия.

А с другой стороны – она медик. Она в Иртоне квалификацию, к чертям, растеряет. Может, и стоит остаться?

Где-нибудь под боком у отца?

Лиля не знала.

Неизвестным компонентом в ее расчетах пока оставался Джерисон Иртон. Что сделает этот друг, крепко получив по ушам?

Сложный вопрос.

Мужское самолюбие – штука такая. Топтать, пинать и забывать про него не стоит. Иначе потом так огребешь.

А с другой стороны – помереть ей что ли было?

Желудок забурчал особенно громко – и Лиля, сгибаясь над бортом корабля (подветренным, уже выучила, куда блевать лучше) мрачно подумала, что умереть было бы быстрее.

А до столицы почти две недели пути... буэээээээ...

* * *

– Рик, ты все собрал?

Ричард посмотрел на кузена.

– Все. А ты?

– Слуги еще копаются, но уже почти. И так – в дорогу?

– Да, пора. А то Бернард обидится, что у него почти не погостим.

– Он и так обидится. Судя по сплетням – жлоб жуткий. Родную дочь в черном теле держит.

Рик махнул рукой.

– Будет королевой – приоденем. А нет – так и не надо.

В дверь поскреблись.

Рик открыл и едва присвистнул. На пороге стояла Анелия Уэльстерская. Джес, не будь дурак, тут же козлом скакнул за штору, пока не заметили. Он не проболтается, а случись что – свидетель Рикуну обеспечен.

– Ваше высочество, вы разрешите мне...

– Разумеется, госпожа. Прошу вас. Но почему вы...

Анелия подняла руку.

– Ваше высочество, у меня не так много времени. Я должна быстро вернуться. Я... вот.

Принцесса протянула медальон, который показался большим в ее маленькой ручке.

– Ваше высочество?

– Это на память о нашем лесном приключении... и обо мне, если не вернетесь.

Рик вздохнул.

– Ваше высочество.

Анелия закрыла ему рот рукой.

– Нет! Не клянитесь, не обещайте, не говорите ничего. Просто знайте... я буду вас ждать.

И молиться за вас, даже если вы не вернетесь.

Девушка на миг придвинулась к Рикю и коснулась губами его щеки. Робко-робко...

Тут же отодвинулась.

По щеке принцессы скатилась прозрачная слезинка. Она всхлипнула – и опрометью вылетела из комнаты.

Расслабиться Анелия смогла только у себя в покоях.

Идею ей подсказал Альтрес Лорт, он же дал медальон. Но...

Сама Анелия лучше и не придумала бы.

И сейчас ей казалось, что Рик вернется, обязательно вернется.

* * *

Его высочество предъявил подарок вылезшему из-за шторы и активно отряхивающемуся другу.

– Ты посмотри...

Обычный золотой кружок, на крышке выбита морда рыси. Видимо – на память.

– А что внутри?

Внутри оказался портрет Анелии, исполненный с большим искусством. И локон темных волос. Видимо – на память.

– Рик, а ты как считаешь – вернемся?

– Смотря что предложит Бернارد. Но я сильно подозреваю, что – да.

Рик смотрел на дверь. Щека еще хранила тепло девичьих губ, а в душе просыпалась жалость...

Ребенок ведь, ей бы в куклы играть... Ребенок...

Впрочем, у мужчин жалость и любовь – вещи далеко не всегда совпадающие.

* * *

Готовилась к отъезду и Аделаида Вельс.

Герцог Фалион крепко сожалел, что нельзя отослать мерзавку в Ативерну. Но... куда там!

Ее величество Милия Шельтская почему-то стала благоволить к негодяйке. И пока та на виду, в посольстве – сделать что-либо с Аделью не представлялось возможным.

Вот дома, в Ативерне – там другой вопрос. Там можно ее убрать по-тихому – и разводить руками.

Ночь, грабители, мы так сожалеем, все ужасно печально, ах-ах-ах...

Но до возвращения на родину – куда денешься.

Пришлось герцогу удовлетвориться тем, что в посольстве Аделаида стала вроде прокаженной. С ней даже старались не общаться лишней раз.

Кстати, лэйру это не особенно задевало. Она уже сделала ставку на Альтреса Лорта – и теперь прикидывала, как себя вести в Ивернее.

По пути – ну тут понятно. Страдающая женщина под ударами судьбы.

Кузен издевался, граф Иртон обманул и бросил, ребенка потеряла... Надо страдать. А страдать Аделаида умела.

Кстати, это и в Ивернее подойдет. Может быть, и с Лидией поможет сблизиться. Женщины любят слушать о чужих страданиях и переживаниях.

А потом...

Пальцы Аделаиды коснулись дорогой шкатулки из благовонного дерева.

Под бархатным дном в ней нашли себе пристанище несколько маленьких плоских флакончиков.

Снотворное.

Возбуждающее.

Медленный яд.

Быстрый яд.

Как объяснил Альтрес – и даже продемонстрировал на крысах, каждый флакончик рассчитан на пять-шесть человек. Так что капать надо осторожнее.

Что именно достанется Лидии?

В зависимости от везения и самой принцессы. Но Цель Аделаида знала точно.

Ричард должен уехать из Ивернеи, пусть не со скандалом, но точно без обязательств перед Лидией... а она должна будет по дороге исчезнуть из посольства.

Альтрес заставил ее выучить несколько адресов и обещал если что – вывезти Аделаиду в Уэльстер. А там...

Положения при дворе, прости, пока не обещаю. Сама понимаешь.

Но богатого мужа в глуши – запросто. Это лучше, чем ничего. А лет через пять, когда все успокоится, посмотрим...

Аделаида считала такое предложение весьма щедрым.

В Ативерне ей ловить нечего. Да, там есть дом, есть кое-какие деньги, но... Это все еще надо получить. А она при пересечении ативернской границы окажется под стражей. И получить сможет только пару оплеух. Это дело не пойдет.

Пес с ними, с домом и деньгами. Жива будет – заработает. Найдет под кого лечь.

Так что собираемся. Корабли посольства пойдут по Лимайере, а на Ивернейской границе их встретят. М-да... опять корабль...

Аделаиду не укачивало, но корабли она все равно не любила. Тесно, противно... пфе!

* * *

Альтрес Лорт тоже готовился.

Сам он в Ивернею уехать не мог. Но вот своим агентам давал самые подробные инструкции. Рассчитывать только на Аделаиду Вельс?

Господа, вы шутить изволите?

Нет уж.

У него и своих агентов хватает. Несколько монет здесь, несколько писем там – и люди начинают работать на тебя. Это Альтрес умел.

Эх, если бы Эдоард не предоставил своему отпрыску право выбирать... хотя тут его осуждать нельзя. Когда человека принуждают – он все-таки возмущается.

А вот когда ему дают свободный выбор – потом и не потрепыхаешься. Сам придумал, сам так захотел... ну и чего ты теперь?

– Чего задумался?

Гардвейг, видимо, воспользовался потайным ходом. И теперь стоял у портьеры и смотрел на брата.

Альтрес вскочил и помог брату усесться в кресло, шипя сквозь зубы про крутые и темные лестницы, чью-то больную ногу и дурацкое безрассудство.

Гардвейг не обратил на это никакого внимания. Брат был единственным, кому дозволялось учить короля, а также попрекать, разносить (не теряя осторожности) и даже составлять за него указы. Альтресу король доверял полностью. Как самому себе.

– Прекрати квохтать...

Альтрес фыркнул, но замолчал и принялся смотреть на сюзерена.

– Надеюсь, в Ивернее твои люди не оплошают?

– Сам надеюсь.

- Анелька все сделала правильно?
- Более чем. Если вылить чуть-чуть черной краски на Лидию – Ричард вернется сюда.
- Точнее нам придется ехать в Ативерну.
- Нам?
- Или мне – или тебе. Наверное, поеду я. А ты останешься здесь. Я дам тебе полномочия регента на случай моего отсутствия, подтянешь войска... справишься.
- А ее величество?
- Куда ее тягать с детьми? Старших возьму, все равно девки...
- Тоже ведь... Гард, давай их к Милии пристроим, что ли? Не годится это – принцесс в такой глуши растить. Мы с тобой это как-то упустили...
- Их надо замуж выдавать. И лучше за границу. Подумай. Может, имеет смысл переговорить с Ханганом...
- Имеет смысл взять с собой соплюшек – и представить их наследнику Ханганата.
- Наследнику?
- Раньше я не знал всей подноготной. Но теперь могу и доложить. Гард, в Иртоне гостил один из самых знаменитых докторусов нашего времени. Тахир Джиаман дин Дашшар.
- Ханган.
- Ну да. А теперь представь – Великий Ханган отправил среди зимы своего наследника, на трех кораблях, через проклятый пролив, к Тахиру, чтобы тот вылечил принца.
- И как?
- Лечение прошло более-менее успешно. Оказалось, что парня травят...
- Чем же?
- Мой человек так и не понял... писал что-то про кровь Кобылицы...
- Это верно. Лиля не особо распространялась о болезни наследника, но шила в мешке не утаишь. Сплетни, слухи... а вирмане, которые ходили в Альтвер и зимой, и ранней весной, позволяли себе расслабиться в трактирах. Где их и ловил Ройс.
- Ставил выпивку, расспрашивал...
- А потом отправлял отчеты. Лиля, кстати, была немного в курсе, но не препятствовала. Если информации мало – это плохо. Если ее много – это тоже плохо. Так что будем делиться кусочками сведений.
- Ладно, не это важно. Мальчишку вылечили?
- Не до конца. И сейчас они всей командой направляются в Лавери.
- Зачем?
- Я понял так, что Лилиан Иртон – любимая ученица Тахира и расстаться с ней он не может ни под каким видом.
- Даже так?
- А Эдоард ее призывает ко двору.
- Ага. То есть девчонка ко двору, за ней лекарь, за лекарем принц... Эдоард не боится мальчишку угробить?
- Он хотел, чтобы ее сиятельство еще ранней весной приехала. Не получилось. Принц как раз еще недостаточно окреп, вот сейчас...
- Гардвейг кивнул.
- Говоришь, хороший докторус...
- А это вот... – Альтрес достал свиток, на котором были переписаны вопросы Лилиан. – Я могу послать им ответы, но сам понимаешь. Лучше...
- Вызвать их не получится?
- Нет.
- Тогда посмотрим, что дальше будет. Если все будет хорошо – увидимся на свадьбе. Но ты подумай пока, чем можно заинтересовать этого докторуса... мало ли что.

Гардвейг неосознанным жестом потер ногу – и у Альтреса сердце защемило.
Смерть близкого человека страшна.

Еще страшнее смерть единственного близкого человека. С которым вы даже дышите одним дыханием.

А самое страшное – это когда он медленно умирает у тебя на глазах, ты все видишь, все понимаешь, но помочь ничем не можешь... свою бы жизнь отдать, так ведь не возьмут! Хоть криком кричи...

Гардвейг перехватил взгляд своего брата.

– Так, Альт, хватит киснуть. Будешь сопли распускать – женю.

– Иди ты, – беззлобно ругнулся шут. – Угрожать он еще будет... твое величество.

Гардвейг даже и не подумал обидеться.

– А то ж... вот кстати – на этой любимой ученице и женю. Обеспечу докторусов своим детям. Элитной ханганской выучки.

– А ничего, что графиня немного замужем? – уточнил Альтрес.

– А ты на то и глава тайной службы. Сегодня муж был, а завтра...

– Тьфу. Издеваться изволишь, твое величество?

– А то ж. Выпьем?

– Тебе вино нельзя.

– А что – у тебя уже и эля нету?

Альтрес фыркнул – и достал из-под стола кувшин.

– Эля нету. А вот...

– Вишневка?

Гардвейг улыбнулся. Одной из немногих слабостей Альтреса была любовь к сладкому. Он конечно, тщательно ее скрывал. Но не от родных же... Так самому лучшему элю шут предпочитал вишневку.

– Она...

– Разливай.

* * *

Анелия перебирала украшения. Да, за зиму у нее много чего появилось.

Принцесса...

Не приживалка в убогом замке, принцесса... Знать бы раньше. В жизни бы с Лонсом не связалась. Но теперь дело сделано.

А с другой стороны...

Альтреса она боялась по-прежнему. Но пока она все выполняет – ее не тронут. Она еще нужна. И...

Рик ее не любил, это верно. Но сомнения она в его глазах видела.

И покровительственное отношение... Она младше, он защищал ее, она ему обязана – мужчины это любят. А если видишь в глазах юной девушки обожание и любовь – это еще и льстит.

Если Лидия не покажет себя еще лучше – Рик вернется.

Она сделала все возможное. А пока...

Пока будем жить.

Пока Рик не сделал выбор – она необходима. И ее будут беречь. Но на всякий случай...

Глаза Анелии остановились на одной из шкатулок.

Хорошо спрятанный, там лежал флакончик с ядом.

Для себя?

Для графа Лорта?

Для кого-то еще?

Она не знала.

Загнанная в угол крыса – опасна. Анелию судьба пока еще не загнана в угол.
Но «зубы» девушка уже приготовила.

* * *

– Мой господин и повелитель, припадаю к ногам вашим...

– Что с Амиром? – прервал славословия Великий.

Капитана этого он знал отлично.

Назар Халим дин Харнари из рода ищущих воду. Сам выбирал, сам отправлял с Амиром...

– Мой господин, принц Амир поручил мне вернуться домой, отвезти вам письмо и подарки – и передать ваши слова для него...

Ханган незаметно перевел дыхание.

– Как себя чувствует принц?

– Намного лучше. До полного выздоровления, графиня говорит, ему примерно год, если не больше, но уже сейчас за его жизнь можно не волноваться.

– Тахир?

– Ее сиятельство, графиня Лилиан Иртон.

– То есть?

– Мой господин, принц все объяснил в письме. Не сочтите за дерзость с моей стороны...

Ну да. Ханган жестом показал капитану посидеть в сторонке. И взялся за письмо сына.

Живой, здоровый... что надо отцу для счастья?

Будь ты хоть трижды Ханганом – а дети все же... это твои дети. И этим все сказано.

Возлюбленный мой отец и повелитель.

Пусть путь твой будет выслан лепестками роз и залит солнечным светом.

Пусть Звездная Кобылица вечно благоволит к тебе и касается своим копытом твоей дороги.

Так... приветствия пропускаем. Что еще?

Направив меня на излечение в Иртон, отец, ты проявил воистину великую мудрость. Я не писал раньше, поскольку не было возможности отправить этот свиток домой, а хранить его там, где он может попасться на глаза... да кому угодно – я не хотел.

Первое, что я должен сказать – я уверенно иду на поправку. Хотя графиня не рекомендует мне больше сталкиваться с этим ядом хотя бы года три.

Потом я смогу спокойно посещать храмы.

О самой графине.

Должен сказать, что это удивительная женщина.

Она не просто умна – она еще и не боится показывать свой ум. Люди слушаются ее беспрекословно. Хотя при всем этом в ней есть некая... странность.

Кобылица устроила так, что одни люди выше других – и это естественно. Но графиня этого не знает и не желает знать. Для Лилиан Иртон я прежде всего человек. А потом уже принц и твой наследник.

Очень странное ощущение.

Она относится ко всем с уважением, но в то же время одинаково приветлива и с эввиром-ювелиром, и с мастерами и с вирманами, и с моими людьми... Должен сказать, что Рашад был искренне удивлен, когда графиня попросила его давать уроки нашего языка детям вирман.

Более того, графиня учит своего ребенка – виконтессу Миранду Кэтрин Иртон вместе с этими детьми – и я знаю, она сильно ругалась на учителей, когда те вздумали хвалить девочку только потому, что та – высокого рода.

Рашад не отказался – и я впервые видел его настолько озадаченным. Кажется, он собирается так же обучать и своих детей, и детей своего рода.

Графиня очень странный человек. Такое впечатление, что она разбирается во всем. С ювелиром она говорит о драгоценностях – и я узнал, что именно графиня подсказала, как делать красный и белый янтарь.

С вирманами – о кораблях и с громадным интересом слушает их рассказы. Даже посоветовала что-то... а ее изобретение под названием «подзорная труба» у вирман не на вес золота, нет. Они готовы платить драгоценными камнями по весу за такое чудо.

Я сам смотрел в нее – и знаю, что этот прибор хотя слегка и искажает реальность, но с его помощью можно видеть в три-четыре раза дальше, чем просто глазами. Что же касается искажения – графиня упоминала, что продолжает работать над его усовершенствованием.

Кроме того, поговорив с графиней, я посылаю Вам несколько подарков из Иртона. И графиня упоминала, что если Вас что-либо заинтересует – она не будет возражать против сотрудничества.

Здесь умеют плести прекрасное кружево, выделывают цветное стекло, а что касается медицины – мои докторусы до сих пор не отходят от графини и смотрят ей в рот.

Примерно на третьей десятинке я обнаружил, что смотрю на нее такими же удивленно-восторженными глазами.

Я решительно не знаю, что она скажет или сделает в следующий момент, но я точно знаю, что это будет неожиданно... и интересно.

А чего только стоит ее дочь, на второй день моего пребывания сообщившая мне, что принц в хозяйстве не нужен потому что делать ничего не умеет... после этого я решил поучиться ювелирному делу у мастера Хельке вместе с детьми – и до сих пор пребываю в удивлении – как она мог все это придумать?

Возможно, графиня Иртон и женщина, но женщина – необыкновенная...

Дочитав письмо до конца, Великий Ханган раскрыл сверток с подарками.

И удивленно присвистнул. Это кружево он знал. Конечно, не совсем такое. Но похожее было им куплено за бешеную сумму и подарено жене.

А это...

Еще красивее, широкое кружевное полотно с вплетенными янтарными бусинами... хотя нет. Не янтарными. Это явно стекло. Цветное стекло. Но – как?

Щедро инкрустированные драгоценными камнями перо и чернильница-непроливайка тоже слегка удивили. Как-то Хангану их никто еще подарить не додумался. Вроде как незачем... вот и результат.

Набор стеклянных кубков поразил.

Разные цвета, изящество, легкость, красота... вроде бы и немного отличаются, но очень похожи.

А последний предмет...

Коробка с фишками. Красивая, дорогая...

Лиля, не мудрствуя долго, послала в подарок и этому правителю нарды.

Красивые, дорогие, изящно отделанные нарды.

А вот правила игры... Тут она не удержалась.

Взяла шрифт, листок лучшей бумаги (пока еще толстоватой и зеленоватой), набрала текст на доску – и отпечатала подробную инструкцию.

– Что это?

Назар только развел руками.

Про книгопечатание он действительно не знал.

Лиля умудрилась заинтересовать еще одного монарха.

Глава 2

Столица нас встречала по одежке

Спустя почти три недели изрядно похудевшая, побледневшая и озверевшая графиня Иртон смотрела на Лавери с борта корабля.

Город не впечатлял. Не видели вы Севастополя! Ночью, с моря... красотища! Лиля вот видела, еще в той своей жизни – море огней... нечто волшебное.

Лавери волшебным не назвал бы даже заядлый романтик.

Да, средние века.

Освещение свечное, отопление печное, грязи по колено, антисоциальных элементов по самое это самое!

А ведь придется там жить какое-то время, и фиг ты куда денешься.

Ничего, переживем. Хотя хорошо бы жить под столицей, а не в столице. Но... пока до центра доберешься – не озвереешь? Эх, почему она не помнит, как делаются рессоры?

Были, были в Лилином образовании значительные пробелы.

Например, все, что касается техники. Математики, экономики, философии, литературы, истории... своего рода компенсация за кучу посещаемых кружков. Руками-то ее делать многое научили, а вот основы политологии и в институте не читали. А ведь придется окунуться в такой гадюшник, что только держись...

Эх, жизнь – боль.

– Ваше сиятельство?

Лиля меланхолично посмотрела на Лонса.

– Я?

– Наверное, надо послать гонцов к вашему отцу...

– И к свекрови.

– Вы полагаете?

– А что – у нас есть выбор? В отличие от моего отца, Алисия Иртон – самый дворцовый житель. Кого еще и расспрашивать, как не ее?

– Ее тоже. Но сначала...

Лиля вздохнула. И понимая, что Лонс прав, послала письмо Августу. Хотя в животе что-то сжималось и от одной мысли очень хотелось в туалет.

Это – не слуги. Это твой отец.

Ладно, отец Лилиан Брокленд.

Одна ошибка...

Живот опять противно сжался.

* * *

– Ваше сиятельство, чиновники с проверкой!

– Чиновники? – искренне удивилась Лиля.

– Ну надо ж убедиться, что мы ничего незаконного в столицу не ввозим. Да и корабли записать. Это портовое ведомство занимается, – пояснил Лейф.

– И лучше бы с ними поговорить мне?

– Ваше сиятельство, как всегда прозорливо – ухмыльнулся вирманин.

– А мы им что-то должны?

– Въездную пошлину. По золотому с корабля, по пять медяшек с человека.

– А еще?

– А мы торговать собираемся?

Лиля задумалась. Платить не хотелось. Тем более налог с ее вещей...

На фиг!

– Нет у нас товаров. А есть личные вещи графини Иртон.

Лейф коварно улыбнулся.

– На всех кораблях?

– Если ханганы не отобьются, значит в мире что-то не так, – привычно огрызнулась Лиля, – а у меня – да. Ты что думаешь, вирманин неотесанный, что высокородной графине одного корабля для вещей хватит? Минимум пять штук! Не говоря уж про Миранду! Ей тоже хотя бы один кораблик под шмотки нужен, а мы трем на двоих обходимся. Отвратительное притеснение.

Лейф фыркнул.

– Ваше сиятельство, не будь у меня Ингрид...

– Иди-иди, встречай чиновников, льстец. И не забудь топор покрупнее взять, кольчугу надеть... ну ты понял...

– Чтобы они еще до встречи с вами обо...

– Обрадовались, – поправила женщина. – Шагом марш!

* * *

Портовый чиновник.

Две штуки.

Один невысок, подлысоват и довольно плотен. То есть Лиля на его фоне теряется со своими габаритами.

Второй повыше, с густой кудрявой шевелюрой – и тоже объемный. Понятно. Явно место хлебное.

Почему этих гадов не было в Альтвере?

Ну, на кораблях Лиля туда приходила один раз. И то – чтобы кто-то из чиновников осмелится лезть к знакомой градоправителю?

Не по Сеньке шапка. За такое Торий голову бы снял. Вот и держались на расстоянии. А тут... кораблей много, столица одна... да и...

Есть, есть у столичных жителей определенный снобизм, никуда от этого не деться. Не у всех. Но встречаются такие типы, которые твердо уверены – жизнь в столице дает им приоритет перед всеми остальными.

Судя по взглядам этих двоих – это они и есть.

Снобы. И жлобы. И плевать, что они таких слов не знают. Конечно, поклоны. Конечно, внешне все очень вежливо. Но есть в глазах что-то такое... гниловатое.

– Ваше сиятельство... – начал кудрявый.

Судя по тону – графинь тут прибывало по десятку в день. И они уже успели приесться.

Лиля сидела за столом, не делая даже попытки встать, смотрела на «таможенников» недобрыми глазами и ухмылялась. Лейф чуть в стороне поигрывал топором.

– Мое. Сколько с меня пошлина?

– Ваше сиятельство, так считать надо...

– Вы, любезнейшие, для того сюда и пожаловали, – Лиля играла перьевой ручкой. Крутила ее между пальцами.

– Значит... три корабля... с грузом товаров, – начал подсчитывать кудрявый.

– Ошибка, любезнейший, – Лиля была сама доброта. – Три корабля лично графини Иртон.

– И...

– А насчет груза товаров – неправда. Графини не торгуют.

– А... – попытался встрять второй.

– Если у вас есть сомнения – обратитесь лично к Его Величеству.

– Ваше сиятельство, так ведь трюм же весь в сундуках.

– Это – личные вещи. Мои, моей падчерицы, моих людей, – обрезала Лиля. – Вы что – полагаете, графиня Иртон обязана путешествовать, как простолюдинка? Фи, любезнейший.

– Ваше сиятельство...

– За три корабля – три золотых. За людей... Лейф?

Лейф громыхнул по полу каюты так, что Лиля даже испугалась. Проломит еще...

– Сколько у нас людей на кораблях?

– Сто восемь человек, Ваше сиятельство.

– Итого – пятьсот сорок медяшек. Для ровного счета – пятьсот пятьдесят. Одиннадцать серебряных монет.

Лиля отсчитала требуемое и выложила на стол.

«Таможенники» сглотнули – и принялись выписывать нужные документы.

Ее сиятельство графиня Иртон.

Три корабля.

Груз – личные вещи.

Никаких проблем.

Ханганы даже и не заплатили. Ибо Рашад устроил такой стон и плач: «Унижают, оскорбляют, с наследника престола деньги драть пытаются, да что ж это делается-то люуууди добрыыыые?!», – что таможня сама бы ему приплатила, лишь бы отвязался.

Но это было только первым актом.

Вторым – пришлось отойти от берега и встать на якорь посредине бухты. И выставить часовых – по восемь на корабль.

Зачем?

Воруют.

Все, что гвоздями не приколочено. Могут подплыть на шлюпке, забраться на корабль... ну и немножко отнять и поделить.

Лиле это было сто лет не надо, так что она отписала записку отцу – и попросила Лейфа отправить.

А пока побудем на корабле.

Где останавливаться Лиля еще не решила.

С одной стороны – графиня должна жить с мужем.

Ага. В доме, которому до Иртона, как до луны пешком. Судя по рассказам Мири – домик был так себе. Человек двадцать поместятся. Но больше – вряд ли. А охрана?

А вирмане?

А ханганы?

Нет, у тех тоже есть посольство, но...

Амир – ее пациент – это первое.

Мальчишке не хочется в посольство – второе.

Они там просто не разместятся – третье и главное.

Ативерна и Ханганат – два противоположных конца континента. И на фиг они друг другу? Ни торговли, ни границ, так, диковинки возят...

Поэтому и посольство средней паршивости. Да, красиво, по-восточному богатое, но маленькое. Человек так на двадцать вместе со слугами.

А потому... Лиля была за компромиссы.

Где бы умудриться так устроиться, чтобы всех разместить?

* * *

Август явился на следующее же утро. Лиля уже встала, уже успела сделать зарядку – и как раз разговаривала с Тахиром, когда в дверь каюты заколотили.

– Госпожа, ваш отец поднимается на борт!

Лилю словно кнутом стегнули.

– Преси, – голос несолидно сорвался.

Вот так. Сейчас у тебя первый экзамен в этом мире. Страшно – до ужаса. Но если тебя признает «отец» – дальше будет легче.

А если нет...

Убивать?

Лиля закусила губу.

Убивать человека, который тебе ничего плохого не сделал? Вся вина которого в том, что он тебя любит?

Что-то внутри активно сопротивлялось даже мысли.

Нет, Лиля понимала, что в крайнем случае, если ей не оставят выхода..

Не хочу!

Дверь скрипнула.

И Лиля поднялась из-за стола.

В каюту влетел пожилой человек.

– Доченька моя!

То что случилось дальше, Лиля списала на остатки личности Лилиан Иртон.

– Батюшка!

Возглас был пронизан такой искренней любовью, которую не сымитировал бы и самый лучший актер. И Лиля повисла у мужчины на шее.

Ивар, проводивший Брокленда в каюту, прикрыл за ним дверь и встал на стражу.

* * *

Минут пять Лиля просто редела в голос. Потом мужчина кое-как оторвал ее от себя и принялся вытирать ей лицо влажноватым платком.

– Ну, что ты, маленькая моя, не плачь, все ведь хорошо.

Куда там. Слезы хлынули потоком. И прошло не меньше десяти минут, прежде чем Лиля смогла высморкаться и начать разговаривать.

Впрочем, оглядеть Августа из-под платка ей это не помешало. И прийти к выводу, что в юности папаша был тем еще сердцеедом. Он и сейчас был очень даже... ух!

Высокий, немного выше Лили, широкоплечий, с полностью седыми волосами и неожиданно черными бровями, с загорелым лицом человека, который много времени проводит на воздухе и сильными руками...

М-да. Есть в кого красоткой быть. Даже без учета матери.

Теплая рука гладила Лилю по волосам. Она и не надеялась, что в этом мире найдется для нее родной человек. Но теперь...

Какой бы Август ни был – она отчетливо понимала, что не сможет отдать приказ о его устранении. И сама тоже не сможет... хотя экстракт наперстянки здесь и не обнаружат...

– Батюшка...

– Ну-ка, убери тряпку, дай мне на тебя поглядеть...

Сильная рука приподняла Лилю за подбородок – и женщина скромно потупила глаза.

– А отощала вся. Одни глаза остались...

– Я ребенка потеряла, – неожиданно призналась Лиля.

– Знаю, – Август сверкнул по-молодому яркими глазами. – Я Иртону яйца оторву!

– Стоит ли?

– Вот даже как? Любишь его?

Лиля замотала головой.

– Любила. Раньше. Потом же... Ну, неважно. Что теперь уж жаловаться.

– Лилюшка...

– И не проси, батюшка. Не надо... мерзко это. Я когда ребенка потеряла, во мне все перегорело.

- Я могу добиться у Эдоарда отдельного проживания для тебя и Иртона.
- Можешь. Но пока не надо.
- Почему?

Лиля вздохнула. Ну вот. А теперь – как в пропасть. Если это пройдет – остальное будет легче.

– Потому что как графиня Иртон я выгоднее для нашего дела. Поэтому сначала надо попробовать договориться по-хорошему. А уж потом, если не получится...

Август присвистнул. И как-то пристально посмотрел на дочь.

Лиля подняла голову – и бестрепетно встретила этот взгляд. Она знала, что сейчас можно увидеть.

Молодую блондинку с длиннющей косой, полноватую, в белом и зеленом, с графским браслетом и кольцом на руке, красивую, хотя и несколько зареванную.

А еще – ум и решительность. То чего и в помине не было у прежней Лилян.

– Вот даже как?

Лиля молча кивнула.

Остальное пусть сам себе додумает. Но Август молчал. Лиля тоже не стала ничего говорить. Незачем.

– А ты изменилась, дочь. Я не ожидал от тебя таких слов...

– Когда тебя перестают любить и защищать – умнееешь быстро, – Лиля смотрела прямо и спокойно. – Я изменилась, отец. Я поумнела, надеюсь. Я по-прежнему твоя дочь... но уже не такая маленькая.

Август смотрел удивленно. Лиля развела руками.

– Ты видел меня последний раз почти два года назад. За это время я потеряла ребенка, меня пытались убить... я уже со счета сбилась, сколько раз, я узнала, что у моего мужа есть любовница, а до меня ему дела нет... было бы удивительно, останься я прежней. Даже не так, нет. Будь я прежней, ты бы сейчас за мою душу Альдонаю молился.

– Вот это верно.

– Так что... отец, ты сможешь принять меня – такой, какая я стала? Легко любить ребенка. Легко защищать беспомощную женщину. А вот такую меня?

В каюте повисла тишина. Лиля ждала ответа, кусая губы. Ну же...

– Такой дочерью можно гордиться. Знаешь, ты сейчас так похожа на мать... только глаза у нее были синие, как море...

– Знаю, – всхлипнула Лиля. – Я тут кое-что сделала...

В следующие два часа Август одобрил кружево Мариэль и стекло Мариэль.

Восхитился подозрительной трубой, потребовал себе такое чудо – и тут же получил три штуки в красивом футляре, восхитился калейдоскопом, познакомился с Мирандой – и был тут же представлен принцу Амиру.

Успел переброситься парой слов с Лейфом, спросив что-то насчет Эрика Эрквига, получил ответ – и расплылся в улыбке, мол, старый друг здоров – это хорошо...

Лиля наблюдала со стороны. И ей все больше нравился этот серьезный мужик, оказавшийся ее отцом. Чем-то он был похож на ее отца из того мира, на Владимира Васильевича...

Своей обстоятельностью, юмором, деловитостью... только бы все срослось!

Когда они-таки опять оказались в каюте, Лиля приказала подать отцу выпить и закуски, а сама принялась за привычную трапезу.

Фрукты и овощи. Благо, они в порту. Так что Лиля могла себе ни в чем не отказывать.

Август выпил пару бокалов вина, отдал должное кухне и осуждающе посмотрел на дочь.

– Ничего не ешь. Тебя скоро ветром сдувать будет.

По мнению Лили – еще килограмм пятнадцать были лишними, но спорить она не стала.

– Я пока ничего не хочу. Поговорим о делах?

- И о каких же, Ваше сиятельство?
- Август явно поддразнивал дочь, глаза сияли мягкой усмешкой...
- О важных, – Лиля улыбнулась. – Я в столице. И меня желал видеть Его величество.
- Как только он узнает, что ты прибыла...
- Когда?
- Хм-м... дня три-четыре. Полагаю, потом ему на стол ляжет доклад.
- То есть три дня мне на то, чтобы чуть-чуть бросить якорь – и надо уже во дворец?
- Умничка.
- Знаю. У меня есть несколько вопросов. Первый – мои люди.
- Что ты планируешь?
- Разумеется, они должны остаться при мне.
- А размещать ты их где будешь? Кто у тебя планируется?
- Ну, команды кораблей я не трону. Кто-то должен на них оставаться, – задумалась Лиля. – Далее. У меня примерно тридцать человек вирман, даже чуть больше, включая женщин и детей, Миранда, слуги, мастера, ханганы... короче рассчитывать надо человек на семьдесят. Можно без особых удобств, но – вместе.
- А ханганы...
- Принц еще не поправился.
- Так пусть живут в посольстве с этим... Тахиром...
- Это исключено. Батюшка, Тахир учит меня лечить людей.
- Этого еще не хватало! Ты – графиня!
- И абсолютно ничего не умею делать! – Лиля стукнула рукой по столу, забыв, что в ней зажата груша. Сочная, несмотря на весну. Сок разлетелся во все стороны, собеседники одновременно выругались, переглянулись и фыркнули.
- Вот, возьми салфетку, – Лиля протянула отцу тонкое полотно, и Август принялся отчищать жилет. – Отец, я понимаю, что ты все делал из лучших побуждений, но мне-то не легче. Что я умела, кроме вышивания?
- Август призадумался – и покачал головой.
- Тебя растили, как благородную госпожу...
- То есть существо изначально бесполезное. Я не смогла заинтересовать мужа, я не смогла распознать отравителей, я даже своего ребенка не смогла защитить... знаешь, я потом лежала, после выкидыша и думала, что если бы я знала раньше...
- Не кори себя. Это Иртон недоглядел...
- А приятно ему было на меня смотреть? Браки по расчету часто удачны. Но только если трудятся в них оба. Мне кто-то об этом говорил?
- А если не говорил – откуда ты сейчас все это знаешь?
- Научилась, вот.
- Лиля делано надулась. Август явно посмеивался, но было в его вопросе и что-то такое... гордость?
- А ведь похоже. Любит. И даже гордится.
- Одним словом – я продолжу учебу. Глядишь, и еще чего полезного придумаю. Поэтому...
- Дом на семьдесят человек. Я уже понял, – Август смотрел с видом святой невинности.
- Вот.
- Полагаю, я смогу найти то, что тебе нужно. Но в пригороде.
- Так еще лучше.
- Уверена? Другие в столицу рвутся...
- Да пусть их хоть пополам перервет.

– И есть у меня одна задумка... Ты знаешь, что Алисия Иртон – владелица небольшого поместья под столицей?

– Насколько небольшого?

– Я бы сказал – крохотного. Дом, в котором можно разместить всю твою свиту, конюшни, хозяйственные постройки – она этим почти не занимается, потому как все время при дворе...

Лиля тут же ухватила идею.

– И может сдать дом мне в аренду. Таким образом, я не в городе, но в поместье своей свекрови, приличия тоже соблюдены...

– Умница, дочка.

– Вся в папочку, – вернула усмешку Лиля.

– Напиши Алисии. Пусть приедет – и мы вместе поговорим.

– А где она может быть?

– Разумеется, во дворце. Она фрейлина принцесс, где ей еще быть?

Лиля вздохнула. Достала перо, бумагу...

– Это? – тут же заинтересовался Август.

Лиля быстро отписала записку, отправила с одним из вирман, и принялась разьяснять отцу, что это такое и с чем его едят. Пришлось продемонстрировать лист бумаги, напечатанный текст, рассказать, что ее можно делать гербовую с печатями, с водяными знаками...

Мужчина только головой покачал. Это же золотое дно... или за такие дела шею свернут. Хотя последнего мы не допустим. Будем драться. А вот заработать на этом... этой бумаге надо попробовать.

Обязательно.

* * *

Алисия Иртон записку получила. И достаточно быстро. Дураков в дворцовой страже нету. И навлечь на себя недовольство «старой гадюки» никто не хотел.

Так что Алисия развернула непривычно мягкий и шуршащий конвертик, потеряла пальцами бумагу – и вскинула брови.

Такого она не ожидала, ну, не так быстро. И понятно. Августу Лиля писала и из Альтвера и с дороги. А вот Алисии не стала. Незачем.

Ваше сиятельство.

Я прибыла в город и буду рада встретиться с вами для беседы. Чем скорее, тем лучше.

Прошу Вас или последовать за моим посланцем – или написать, когда Вы соизволите посетить нас.

Глубоко уважающая Вас,

Лириан Элизабетта Мариэла Иртон.

«Гадюка» не получила бы своего прозвища, не умей она сохранять хладнокровие при любых обстоятельствах. Она повернулась к слуге.

– Где человек, который доставил это письмо?

– Это вирманин, Ваше сиятельство, – слуга был исполнен уважения. – Попросили его в караулке подождать, его ж нельзя во дворец...

Что верно, то верно. Нечего посторонним вирманам по дворцу разгуливать. Донесут Эдварду – всем нагорит.

– Идем. Проводишь меня, – решила Алисия. Собираться не было нужды. Во дворце она всегда была в боевой готовности. Расслабиться Алисия позволяла себе только дома за городом. Очень редко.

Вирманин ждал в караулке. Здоровущий такой детина, в плечах метр, в высоту два...

– Ивар Хельвиссон Рейнхольм, Ваше сиятельство.

Поклон был выполнен четко и быстро. Не очень придворный, ну да ладно...

– Рада вас видеть, Ивар. Вы принесли мне письмо от моей невестки...

– Ее сиятельство, графиня Лилиан Иртон просила передать, что сейчас у нее отец, поэтому если вы захотите с ними увидеться, она будет рада...

– Я сейчас прикажу заложить карету.

– Я буду ждать, Ваше сиятельство.

Кареты при дворе были. И Его величество разрешал их брать тем придворным, к кому благоволил. Воспользоваться королевской каретой было большой милостью. Но Алисия имела на это право.

Поэтому спустя час карета въехала на территорию порта – и Алисия взошла на корабль.

* * *

Алисия бывала на кораблях. Поэтому первое, что ее поразило – все было удивительно чистеньким. словно тут уборка проводится шесть раз в день. Ивар перехватил ее удивленный взгляд и усмехнулся.

– Госпожа графиня сказала, что любого грязнулю на веревке за кораблем прокатит, чтобы отмылся. А уж если у кого платяных зверей^[1] найдет...

– Так свирепствует?

– Да нет... она просто грязь не любит. Прошу вас, Ваше сиятельство...

Алисия была со всем почетом подхвачена под локоток (если вы поскользнетесь, да ушибетесь, с меня графиня шкуру снимет...) и препровождена в каюту. Где ее встретили одинаково веселыми улыбками Август Брокленд и...

Алисия отказывалась верить своим глазам.

Это – Лилиан Иртон?

Невероятно!

Куда девалась застенчивая толстушка в кружевах, которая двух слов связать не могла?

Женщина, сидящая рядом с Августом... нет, несомненно, это была Лилиан Иртон. Только похудевшая. Но взгляд...

Так и Джайс никогда не смотрел.

Это был взгляд человека, который во всех, всегда видит только врагов. А потом уже все остальное. Впрочем, Лиля тут же опустила ресницы, улыбнулась, а когда она вновь вскинула глаза на Алисию – взгляд ее лучился дружелюбием.

– Я рада видеть вас, Ваше сиятельство! Надеюсь, мой посланец не был невежлив? Если так – я готова просить за него прощения, вирмане народ не придворный...

Алисия поклялась бы, что настороженность ей почудилась. Но... стоит ли ударяться в самообман?

Или все-таки показалось?

Женщина решила понаблюдать еще. И расплылась в улыбке.

– Моя дорогая невестка! Я так рада тебя видеть! Ты похорошела с нашей последней встречи...

Лиля улыбнулась, неторопливо встала из-за стола и чуть присела в поклоне.

Они обе графини Иртон.

Лиля младше по возрасту, но старше по положению. Поэтому по-хорошему Алисия должна начать первой. Но сейчас ее сиятельство давала своей старшей подруге по Иртонам возможность сохранить лицо.

Алисия это оценила – и воспользовалась.

Но и Лиля в долгу не осталась.

– Ваше сиятельство. Я прошу простить меня, если в чем-то допущена бестактность. И хочу заверить, что ваш визит – честь для меня.

Все вежливо, искренне... и еще один поклон.

¹ Вши, блохи, прим. авт

Алисия кивнула. И присела к столу. Благо, Август уже успел отодвинуть для нее стул.

– Рад вас видеть, графиня...

– Вы не бываете при дворе. Иначе мы виделись бы чаще, – вздохнула придворная дама.

Август развел руками.

– Дворы и дворцы – это не мое. А вот моя дочка...

– Его величество весьма заинтересован в госпоже Лилиан.

Реакция женщины оказалась нетипичной. Кто-то, услышав, что им интересуется король – взволнуется. Кто-то обрадуется.

Лилиан просто пожала плечами.

– Поэтому я хочу устроиться в столице – и явиться ко двору. Полагаю, приглашение последует сразу же, как только известие о моем приезде дойдет до ушей Его величества?

– Сегодня?

– Нет. Хотя бы сутки.

Алисия понимающе кивнула. Разве нормальная женщина может просто так явиться ко двору? Нужны придворные платья, украшения...

– Мне нужно разместить где-нибудь моих людей.

– Ваших людей?

Алисия искренне удивилась. Ну ладно – слуги. Но зачем их размещать?

Август усмехнулся.

– Тут человек семьдесят вместе с Лилиан. И я так полагаю, она их далеко от себя не отпустит...

– Или они меня, – проворчала себе под нос графиня. И принялась разъяснять Алисии, откуда такое количество народа.

Надо отдать должное придворной даме. Слушала она внимательно. Не перебивала, а когда закончила – вдовствующая графиня глубоко задумалась. И даже без подсказок приняла нужное решение.

– Полагаю, я могу пригласить всех в мое поместье за городом. Это недалеко, всего час-два пути в карете, там хватит места для всех, а принимать у себя принца Ханганата – это честь.

Лиля довольно улыбнулась.

– В свою очередь, полагаю, Амир упомянет о вашей доброте и щедрости перед королем...

– Безусловно, Его высочество захотят видеть при дворе...

– А я, со своей стороны, возьму на себя ремонт поместья. Ну и поскольку не хочу пользоваться вашей добротой вовсе уж нагло, оплачу наше пребывание там.

– И речи не может быть об оплате!

Алисия возмутилась абсолютно искренне. Но в глазах Лилиан Иртон прыгали веселые чертики.

– А я деньги и не предлагаю...

– А...

Лиля встала, подошла к одному из сундуков и откинула крышку.

– Как вы думаете, Ваше сиятельство, сколько это будет стоить... когда появится на рынке?

Алисия только ахнула.

Кружевные веера, перчатки, сумочки, которые удобно повесить на запястье, нечто вроде...

– Это – что?

– А это – для семейных пар, – Лиля усмехнулась, видя, как Алисия багровеет, начиная понимать, куда надеваются эти кружевные трусики. Пока еще на завязочках. Полагаю, мужья будут счастливы видеть своих супругов в этих скромных вещичках... Ну или хотя бы любовниц. А жены сами подтянутся.

– Это же непристойно!

– Почему? Я же не предлагаю в этом по улице разгуливать?

Пока. А потом – посмотрим.

– Или вот это...

Лиля вытащила из сундука нечто и встряхнула.

Алисия восторженно ахнула.

Кружевное платье.

Хотя нет. Это не целое платье. Это скорее...

– Чехол. Одевается поверх платья, смотрится весьма неплохо. Кстати у нас есть такой и для вас. Я плохо представляла ваш размер, но подгоняется он в течение дня-двух...

– Это слишком роскошно, – покачала головой Алисия.

– Для графини Иртон?

– Их высочества...

– Могут позавидовать? Для них тоже есть такое же. Я предусмотрела этот вариант, – Лиля была невозмутима. – И учтите – дорого это будет только сначала. Потом же... чтобы связать это платье, – Лиля непочтительно встряхнула накидку, бросила на стул, – понадобилось примерно десять дней.

– Как?

– Конвейер.

– Э...

Слово было незнакомым для Алисии. Да и сама Лилиан. Она двигалась, говорила, а Алисию не оставляла мысль, что все продумано. Все здесь делается по желанию Лилиан Иртон. И она сама, не замечая этого, действует по ее плану.

Неприятно.

Но – жизнь.

– Это когда изделие разбивается на десять частей. Одна мастерица вяжет только рукава, вторая – спину, третья – подол, десятая соединяет – и радуемся жизни...

Алисия только головой покачала.

– Очень красиво. Но стоит ли сбивать на эти изделия цену?

Лиля пожала плечами.

– Это не то шило, которое можно утаить в мешке. Нет, моя идея глубже. Пусть нам подражают. Я хочу, чтобы мои мастерские всегда были впереди. Все, кто придут – пойдут за нами. А мастерские Мариэль и кружево Мариэль станут знаком качества.

Алисия подумала. И оценила.

Действительно. Повторить можно. А вот превзойти... далеко не сразу. Да и Лилиан не станет останавливаться на достигнутом... если не...

– А как к этому отнесется Джерисон?

Лиля вскинула брови.

– Пусть лучше думает, как я отнесусь к его любовницам. Да и все остальное... Нам найдется о чем поговорить при встрече...

Судя по лицу женщины – коса нашла на камень. И Алисия не стала углубляться в эту тему.

Вместо этого она поинтересовалась, как все намерены размещаться в ее домике, да и добираться туда... вряд ли на кораблях привезли коней...

– Эту проблему мы решим, – отмахнулся Август. – Корабли отгоним к моим верфям, тут не так далеко, а там уже найдутся и рабочие руки, и телеги, да и кареты могу нанять...

– А я пока отправлюсь в поместье, – вслух подумала Лиля. – Посмотрю что там и как...

– Тебе по-прежнему плохо на корабле?

Август выглядел вполне понимающим.

Лиля вздохнула.

– Когда он не плывет – терпимо. Но лишний раз себя мучить – зачем? Вот Миранда поплывет. Ей море нравится. Да и Амир ее обожает.

– Амир?

– Амир Гулим. Ну, принц Ханганата. Они с Мири нашли общий язык.

Алисия только головой покачала.

Ладно.

Время еще будет. И поговорить, и разобраться... Вряд ли Лилиан Иртон сильнее нее в дипломатии. А пока...

– У меня есть два экипажа. И я могу приказать слугам Джерисона. У него есть несколько карет.

– Отлично.

И разговор плавно скатился в обсуждение переездов и перевозок.

* * *

Этим же вечером Лиля сидела у камина.

Настоящего, теплого, уютного.

Потрескивали дрова, играли языки пламени – и женщина чувствовала себя если и не счастливой, то уж точно не несчастной.

Поместье Алисии ей понравилось. В меру большое, но не такое раздутое, как Иртон. Очень уютное, аккуратное, только немножко заброшенное – хозяйка-то во дворце и днюет, и ночует...

Пока здесь была только она...

Ладно. Не только она.

Еще десяток вирман (Лейф наотрез отказался отпускать графиню куда-либо без охраны), Лонс (чуть ли не истерику устроил), Марта (никуда я свою девочку одну не отпущу! Да и для Мири надо комнату приготовить...) и Алисия.

Да, вдовствующая графиня отпросилась на пару дней из дворца – и приехала с Лилиан. И женщина подозревала, что не просто так.

А вот и...

Тихие шаги за спиной.

– Не возражаете, если я составлю вам компанию?

– Прошу вас, графиня.

Алисия опускается в кресло рядом с Лилиан. На столике, словно по мановению волшебной палочки материализуются бутылка с вином и два высоких бокала. Лиля берет один из них – свежеподаренный, крутит в руках и огонь пляшет отсветами в причудливо изломанных гранях.

Некоторое время обе женщины молчат. Потом Лиля все-таки решает облегчить Алисии жизнь.

Все равно ведь будут расспросы. Так что будем поворачивать их в нужное русло.

– Ваше сиятельство, я вас удивила?

– Очень.

– А еще Его величество наверняка будет расспрашивать обо мне.

Алисия коротко рассмеялась.

– И это тоже. Но я расспрашиваю не из пустого интереса...

– Понимаю. По незнанию можно навредить намного сильнее.

– Правильно понимаете... я не ожидала такого...

– Преображения? Все верно. На свадьбе... Вы видели хоть одну женщину, которая была сама собой в день свадьбы?

Алисия едва не фыркнула. Ага, как же... она и сама-то... хотя их свадьба с Джайсом и была чисто «для ширмы», но волновалась же! Да еще как!

А Лиля...

– Вот и я чуть с ума не сошла. Мы же до свадьбы и не виделись, ни поговорить, ни подумать, я вся в расстроенных чувствах, меня всю трясет... после свадьбы супруг напился в хлам... а потом меня просто сослали в глушь. И наезжали раз в три месяца.

Алисия сочувственно кивала. Хотя на самом деле...

Был у старой гадюки такой грех. Никому она не сочувствовала. А с чего бы?

Вот взять ту же Лилиан Иртон, в девичестве Брокленд. С чего ей сострадать?

Красавица, далеко не дура, из семьи... ну пусть не безродной, но все-таки не на помойке росла, а вышла замуж за графа, отец на руках носит... Муж не любит?

Так Джес и не изверг. Что ты сделала, чтобы он тебя полюбил? Шелками вышивала?

Ну-ну...

А вот представьте себе другое.

Не красавица. И никогда не будет. Тощая, страшная, со слишком узкими бедрами, то есть детей тоже быть не может. И бесприданница. Вообще.

Отец-игрок и мот, мать – забитая клушка, прячущаяся в углу от жизни, братья... так, про братьев лучше и не вспоминать. Это Джайс их сумел отвадить быстро и решительно. А девичество Алисии они подпортили качественно.

Отец ее даже ко двору не вывозил. К чему?

Хорошо хоть в город привез. Но и в городе. Сиди дома и не дергайся. Разве что в лавку сходить. Да, не подобает. Но прислуги у Алисии не было вообще. Отец считал, что бабы и сами одеться-умыться могут. И не собирался оплачивать служанок. Так что в лавку бегала Алисия. А готовила ее мать. Все равно отец дома только пил да похмелялся.

Знакомство с Джайсом было невероятной удачей.

Она как раз бежала из лавки. Споткнулась, подвернула ногу и пребольно ударилась о камень. Сидела прямо в грязи и слезы лились потоком. Тут-то на нее и наткнулся Джайс.

В отличие от своего сына, Джайс всегда старался неплохо относиться к людям. Не из благородства. Нет. Но люди лучше работают, когда им даешь внимание и уважение. Алисия часто это потом слышала. А на вопрос – почему ты тогда остановился, Джайс пожал плечами. Мало ли кем окажется девчушка. Любая информация – это хлеб. Любой человек – это уже польза. Может, не сейчас, в будущем. Так что с того?

Джайс запасал людей впрок.

Но тогда Алисия этого не знала. Она разревелась и все выложила мужчине.

Про бедность. Про родных. Про себя...

Джайс слушал внимательно. Потом вытер слезы девушке, накормил вкусными пирожками и проводил до дома. А через два дня явился сам. С визитом. И изложил все честно.

Алисия бесплодна – он тоже.

Ей нужно спокойствие и безопасность. Ну и деньги. Он это даст. А ему нужна тайна и признание для детей сестры. Родные в курсе. И если Алисия будет так добра...

Алисия была добра.

А еще... Джайс был красив. Ведь и кошка может мечтать о принце. И вот – мечта сбылась. Но каким извращенным образом. Влюбленной по уши Алисии предлагали то, чего она хотела. И даже мужчину. В которого она по-девичьи влюбилась. Но...

Она станет не женой. Не любовницей. Всего лишь официальной ширмой.

Больно?

Очень.

Чего стоило Алисии смирить свою гордость, собрать себя в кулак и ответить, что если милый Джайс так пожелает, то при определенных условиях...

И не год, не два, а много-много лет смотреть на чужих детей (это могли бы быть мои дети...), на любовь Джайса к сестре (меня никогда так не полюбят...), на счастье, которое

рядом, а ведь не достанешь, даже был с ней Джайс только один раз, чтобы скрепить брак – и все...

Нравится?

Да от такой жизни червяк озверевает. А Алисия была далеко не червячком. Вот и стала гадюкой.

А что такого у Лилиан Иртон?

Алисия и не догадывалась, что Лиля это примерно понимала. Да, всю историю она не знала. Только вот...

Алисия неплохой человек. И не от хорошей жизни она так озверела. И капельки зависти к Лилиан Иртон в ее взгляде проскальзывали. Никуда не денешься.

– Наверное, бывает и похуже, – Лиля смотрела спокойно. Она и была спокойна. Ей важен был отец. Но поскольку он ее признал – Алисия становилась элементом важным, но не жизненно необходимым. А потому – надо произвести положительное впечатление, но даже если не получится – не страшно. Алисия все равно будет опекать и защищать ее. Просто потому, что Лилиан – Иртон. Любые пятна на Лилиан – это пятна и на самой Алисии.

– Наверное, – Алисия кивнула, отпивая глоток вина из бокала. – Я ведь не теряла ребенка, но мне говорили, что страшнее этого горя...

– Потеря ребенка, да... – Лиля покатила вино в бокале, отметила, что форма тюльпана неплоха. Но завиток сверху определенно лишний... – Знаете, есть вещи и похуже. Хотя бы для меня.

Алисии даже не пришлось изображать внимание. Ее поразили эти слова.

– Самое худшее, это когда ты есть – а тебя и нет. Вообще.

Лиля полюбовалась недоумением на лице свекрови и соизволила разъяснить.

– Я ничего не значила для своего мужа. Он уже получил верфи и собирался получить наследника. А я... я всего лишь придаток. Я даже распорядиться не умела. А и умела бы – много надумаешь под дурманом? Слуги этим пользовались всюю.

Мне повезло. Да-да, после выкидыша мне опасались давать дурман. Рядом со мной была верная Марта. И только она одна защищала меня, оберегала, поила, выносила горшок... много ли может старушка? А она вся выкладывалась.

Подслушивающая за дверью Марта запихала себе в рот передник, чтобы не всхлипнуть. По морщинистому лицу катились слезы.

– Я люблю Марту, как родную мать. Да она, по сути, и есть моя мать. Мариэла Брокленд подарила мне жизнь. Марта выходила меня, фактически сделав то же самое. У меня две матери.

Дальше Марта не слушала. Она стремглав бросилась в свою комнату – и там расплакалась. Лилушка, родненькая моя, золотко мое. Солнышко мое родное...

Как часто мы молчим о своей любви и надеемся, что любимые догадуются?

А они ведь не заглядывают в наш разум – и когда уходят, мы понимаем – недолюбили.

Недоговорили о своей любви.

– А тогда... я очнулась. Мне было безумно плохо. Несколько дней я вообще не знала, выживу ли. А теперь представьте – я, вся большая насквозь, спустилась вниз, мне даже воды подать было некому, мне безумно хотелось пить... Марты не было, слуг не дозовешься... еще бы!

Они все были на кухне.

Пили вино, тискали служанок, смеялись – им было наплевать на меня. Жива я, умираю, есть я, нет меня... меня могло бы и не стать – это ничего не изменит. И в этом была виновата только я сама. Они развлекались. А я умирала. И никто, никто... никого рядом, кроме женщины, которая любит меня безоговорочно.

Алисия вздохнула.

Вот так. А у нее и такой Марты нету. А жизнь прошла, почти прошла...

– Я тогда впервые вышла из себя. Я и не знала, как это бывает. В глазах красный туман, руки дрожат... наорала на всех, разогнала пирушку... А потом лежала в кровати и думала. Слуги суетились, я смотрела на них – и клялась, что никому, никогда не позволю обращаться со мной, как с пустым местом. Просто не позволю.

Пройду по огню, съем живую жабу, научусь тому, чего раньше не умела – я все сделаю, но так больше никогда не будет! Никогда!

– Получилось? – Алисия спросила, а потом поняла глупость своего вопроса. – Ну да. Но вот ты стала именно такой. А что дальше?

– Дальше? Дальше – выше, – рассмеялась Лиля, вспоминая читанные когда-то «Хроники Нарнии». – Только вперед. Дальше и выше. Я хочу получить свой собственный титул за заслуги перед государством. Это первое. Я хочу открыть свои производства под защитой короны. Это второе. И конечно, наладить отношения с мужем. У нас многое не складывалось, но это кружево плели мы оба.

– Хорошо, что ты это осознаешь, – Алисия перевела дух.

Эта новая Лилиан ей нравилась. Но женщина понимала, что если они сцепятся с Джесом – Алисия тоже ведь пострадает. Нейтральных в этой войне не будет. И победителей – тоже.

– Отлично осознаю. Джес не сделал мне шага навстречу. Но ведь и я тоже не идеальная жена...

– Хотя и можешь ей стать.

– Если рожу наследника, а лучше близняшек – и тихо умру.

– Зря ты так.

– Не зря. Это был бы идеальный вариант. Но я на него не согласна. Странно, правда?

– Очень странно. И... называй меня Алисия?

– Хорошо. Полагаю, мама – это явно не то. Особенно для такой молодой и симпатичной женщины.

Алисия сверкнула глазами. Но Лиля выглядела абсолютно спокойно и искренней. Она не лгала. И действительно, по меркам двадцать первого века, Алисия была вполне симпатичной. Не слишком высокая, очень стройная, тонкокостная, изящная... да и лицо... не красавица. Но если выщипать брови, правильно подкрасить глаза и наложить помаду – будет очень своеобразно.

Этакая настороженная хищная птица.

Кажется, вдовствующая графиня это поняла – и кивнула.

– А я буду называть тебя Лилиан.

– Лилия. Для близких – именно так. Для самых близких.

Женщины понимающе переглянулись. Границы были обозначены и приоритеты расставлены.

Одной нужно сохранение статус-кво и укрепление положения при дворе.

Второй же – титул и деньги.

И семья.

Эти цели совместимы при должном упорстве и усердии. Так что можно подумать и о насущном. Например...

– Знаешь, Лилия, тобой надо заняться всерьез. Загар недопустим для благородной дамы, брови надо выщипать, щеки чуть тронуть белилами...

Лилия покачала головой.

Ни слова – но вполне отчетливое отрицание.

Я достаточно уважаю вас, чтобы не спорить, но и делать все вышеизложенное не стану.

– Лилиан?

– Я не буду подчиняться интересам моды, – пожала плечами женщина. – Я хочу ее создавать.

– Вот как? – прищурилась Алисия. – Метим в королевские фаворитки?
Лиля усмехнулась.

– Нет.

– Тогда ничего не получится. Моду задает сейчас баронесса Ормт.

– Близкая подруга Его величества?

Алисия кивнула с улыбкой. Умница Лириан. Ничего объяснять не надо.

– Полагаю, мне надо познакомиться с баронессой. А подружиться?

– Принцессы ее очень не любят.

– А Его величество любит своих дочерей?

– И сильно. Баронесса для него всего лишь игрушка – как и для всех мужчин. А дочери...

– Память о любимой женщине?

– Да. Джессимин. Хотя не могу понять, что все в ней нашли?

– Она была красива?

– Да. Но при этом глупа, беспомощна...

Лиля фыркнула.

– Алисия, исходя из своего опыта, я могу сказать так. Мужчины любят тех, о ком надо заботиться. Сильные и умные женщины обязывают. Если рядом с тобой львица – придется стать львом, а не козлом. А с козочкой проще. Травки и молочка – и все. Ну и кого выберут?

– Ты умна.

– Я стараюсь. А кто у нас еще задает моду, кроме баронессы? Не может же у нее не быть соперниц?

– И абсолютно права. Герцогиня Тарнес...

И разговор ушел в перечисление титулов, связей, обсуждения друзей и врагов...

Женщины заключили пакт о ненападении. Друг на друга.

А вот насчет всего остального мира разговоров не было.

* * *

Следующее утро для Лили началось с приятного визита.

– Доложите госпоже, что прибыл Ганц Тримейн.

При этом известии отступила даже головная боль. Лиля взвизгнула от радости и вылетела из столовой, где пыталась впихнуть в себя простоквашу после вчерашнего.

Нет, она не напилась. Но голова трещала, как сырые дрова. Она уж и забыла, когда приходилось так напрягаться. Последний раз, наверное, еще когда она была Алей Скороленок. А теперь вот...

– Лэйр Ганц! Как я рада вас видеть!

Ганц Тримейн по всем правилам раскланялся, поцеловал графине ручку, сделал комплимент...

Алисия Иртон еще отдыхала. Поэтому Лиля без всяких пригласила Ганца за стол и принялась расспрашивать.

Мужчина принял предложение без всякого стеснения – и с удовольствием стал расправляться с завтраком.

– Уж простите, графиня. Я к вам выехал, даже не позавтракав.

– А к чему такая спешка?

– Хотелось поговорить. До того, как вас представят ко двору.

– Слушаю, лэйр Ганц.

– Вы помните про этого... Алекса, кузена леди Вельс?

– Помню, – помрачнела Лиля. Поди, забудь. Шрам до сих пор побаливал. – Его же казнили?

– Да. А вот это...

Перед женщиной на стол легла стопка писем.

– Что это?

– А вы почитайте?

Лиля послушалась – и уже на третьем письме выругалась.

Ну да.

Перед ней были доказательства. Доказательства того, что ее покушение готовили и Алекс – и Аделаида вместе. Что бы там кто ни говорил. Она писала чуть ли не приказом. Он отвечал (тут не было оригиналов, только черновики) подробными отчетами, кого, когда, за сколько и на что именно...

– Очень мило. Лэйр Ганц, что вы хотите с этим сделать?

– Что хотел – я уже сделал. И хотел бы... Ваше сиятельство, вы человек прямой, уж позвольте и мне напрямик?

Лиля кивнула.

– Вы когда попадете ко двору, Его величество вас так просто не отпустит. Наверняка.

– Да уж кто бы сомневался.

– А ведь вы наверняка захотите свой дом, делами, опять же, заниматься...

– И?

– Ваш отец искал для вас человека, который будет заниматься тем же, чем я сейчас на королевской службе.

– Он пока мне никого не представлял, – Лиля посмотрела на письма. На Ганца. И ее озарило. – Так вы...

– Да. Хотел бы. А это...

– Я так понимаю – это не взятка. А подарок в расчете на мое доброе отношение, – усмехнулась Лиля. – Кто еще про эти письма знает?

– Никто. В королевских тюрьмах палачам специально уши воском заклепывают, чтобы чего не надо не услышали. А не то...

Лиля кивнула.

– А почему вдруг? Лэйр Ганц, я все понимаю, вы человек умный, сильный...

– Да. И хочу жить долго и счастливо. Дом хочу, семью, детей... на королевской службе это невозможно. Да и уходят с нее только вперед ногами.

– А на моей – возможно?

– Ваше сиятельство, – Ганц был серьезен. – Я ведь ненамного старше вашего супруга. А повидал столько... у меня половина головы седая. Вы женщина щедрая и неглупая. Я хочу вам предложить вот что. Я десять лет на вас работать буду. Не за доброе слово, нет. Но знаю, своих вы не обидите. За эти годы я вам людей и подберу, и обучу всему, что сам умею. А когда срок пройдет – хочу уйти. Уехать в тот же Ханганат... жениться, детей растить... умереть в своей постели, а не от удара ножом в спину в подворотне.

Лиля кивнула.

И задумалась.

Ганц – профессионал. И ее бы устроил со всех сторон. Но...

– Как я могу доверять вам? Вы можете служить королю, а потом уже мне.

– А мы все служим сначала короне, а потом людям, Ваше сиятельство.

– И все же...

– Про эти письма король не знает.

Лиля вздохнула. Тяжелое решение. И опять на ее плечи. И не подскажут, и не помогут... что же делать? Что делать?

Впрочем, долго наша героиня не думала.

– Хорошо. Я познакомлюсь с людьми, которых нашел для меня отец. Это обязательно. Он старался – и я не хочу его обидеть. Если никто из них меня не устроит – я буду говорить с Его величеством. И если он одобрит ваше назначение...

Ганц Тримейн кивнул. Кажется, это было больше того, на что он рассчитывал.

– Ваше сиятельство, я надеюсь, письма...

– Какие письма? – сделала невинные глаза Лиля. – Лэйр Ганц, я никаких писем и в глаза не видела.

Мужчина и женщина переглянулись – и дружно рассмеялись.

– Лэйр Ганц, надеюсь, вы задержитесь у меня в гостях? Миранда будет рада вас видеть... да и я хотела бы пообщаться...

– Разумеется, Ваше сиятельство. Как я могу отказать такой очаровательной женщине.

Лиля сморщила нос.

– Комплимент принят. Вот и не отказывайте. Кушайте, а после завтрака будем разговаривать...

– Ваше сиятельство, я могу...

– Нет-нет, говорить о ваших придворных на голодный желудок? Никогда! Я же пищеварение себе испорчу!

– Двор будет от вас без ума.

– Судя по рассказам Алисии – они там от рождения без ума. Половина. А вот о второй половине и хотелось бы поговорить...

– Алисии?

– Моя свекровь.

– Старая гадюка вас признала? Это дорогого стоит...

Лиля покачала головой. Она не обольщалась насчет своего искусства интриги.

– Нет. Она не то, чтобы признала... она мне не друг. Но и не враг. Я могу принести пользу – и поэтому пока она будет меня поддерживать. Но если я буду творить что-то, что поставит под удар моего мужа... ну или вообще семью Иртона...

– Вы же не будете, Ваше сиятельство?

Лиля пожала плечами.

– Своего мужа я люблю. Но если он опять намерен обращаться со мной, как с бессловесной куклой... Вам бы такое понравилось?

Лэйр Ганц качнул головой.

– Вот. Я понимаю, есть женщины, которые без посторонней помощи и хлеба не купят. Но я-то не такая. И надеюсь, что граф Иртон это поймет.

– Я тоже на это надеюсь...

Ганц Тримейн кивнул, скорее своим мыслям.

Граф Иртон должен понять, что не стоит мешать жене и ее планам. А не то ведь...

Нет, убивать его Ганц пока не собирался. Но – все в воле Альдоная, милостивого и всевидящего. И – точка.

Завтрак.

И надо действительно пройтись с графиней по списку придворных. Хотя бы по основным. Чего ждать, от кого ждать...

Примерно к полудню к активно болтающим Лиле и Ганцу присоединилась Алисия – и обсуждение придворных затянулось чуть ли не до четырех часов. Потом Лиля взвыла, требуя отдыха кипящему мозгу, у Ганца и Алисии нашлись неотложные дела – и все разошлись из кабинета.

* * *

Этот разговор состоялся вечером.

– Ваше величество...

– Госпожа графиня Иртон, я рад вас видеть. Что случилось, Алисия, вас не было вчера на приеме?

– Ваше величество, приехала моя невестка.

– Вот как? Лилиан Иртон в Лавери?

– Да, Ваше величество.

– Почему она до сих пор не здесь?

– Ваше величество, я прошу для нее отсрочки на три дня.

– Отсрочки?

– Лилиан только что с дороги, а она отвратительно переносит морские путешествия.

– Как и Август... понимаю.

– Ей надо чуть отдохнуть с дороги, привести себя в порядок и уже тогда явиться к Вашему величеству...

– Вы правы, графиня. Пожалуй, я пошлю ей приглашение на малый прием, который состоится через три дня. Этого времени будет довольно?

– Более чем, Ваше величество. Моя благодарность так же безмерна, как и ваше великодушие...

– Что вы, графиня. Вам ли льстить мне...

– Это не лесть, Ваше величество! Это чистая правда!

Эдоард улыбнулся. Может быть и лесть. Но приятно же...

– Графиня, расскажите мне о своей невестке. Полагаю, вы уже успели побеседовать и составить первое впечатление?

Алисия на миг задумалась. Но потом улыбнулась и опустилась в предложенное кресло.

– Ваше величество, моя невестка человек очень интересный. И неоднозначный. Вы еще расспросите ее сами... – осторожно, очень осторожно, чтобы усилить интерес и дать понять, что не стоит давить.

– И все же? Например, чего она боится?

– Полагаю, больше всего ее пугает возможность стать безвольной игрушкой в чьих-нибудь злых руках.

– Почему вдруг?

– Как я поняла из ее рассказа – даже слуги не уважали ее. Впрочем, она никого в этом не винит, понимая, что всегда, в любой семье, в любых разногласиях виноваты двое...

Эдоард кивнул. Это хорошо. Скандал и развод были ему не нужны.

– Лиля выразила надежду, что они с мужем найдут общий язык. Но в то же время – она боится.

– И для этого есть основания?

– Возможно. Ваше величество, я говорила с ней. Лилиан умна, воспитана, это яркая и незаурядная личность... такие качества одновременно не приобретаешь. Почему же мой сын не разглядел их – и отправил жену в Иртон? Из-за внешности?

Эдоард задумался.

– Джесу вообще не слишком хотелось жениться.

– Он исполнял свой долг. Но как вышло, что он не разглядел в своей постели такой бриллиант?

Его величество только головой покачал.

– Не знаю. Лилиан это как-то объяснила?

– Она сказала, что была в шоке. Свадьба, брачная ночь, быстрый отъезд...

– И поэтому они с Джесом даже не попытались поговорить?

– Август упоминал, что Джес иногда поддается своему... самодурству.

Больше Алисия ничего не сказала. Но Эдоарду хватило. Действительно свадьба, Джес уже на свадьбе был разочарован – ибо жена оказалась на порядок хуже портрета, поэтому и брачная ночь могла пройти довольно резко, а там...

М-да...

– Я могу понять графиню. А вы можете объяснить ей, что жена должна следовать за мужем, но... – тут в глазах Эдоарда заиграли веселые огоньки. – Иногда возможны и исключения. Не так ли?

– Ваше величество, вы, как всегда, мудры. И справедливы.

– Надеюсь на это. Ведь король – первый на земле после Альдоная...

– О да, Ваше величество...

– А теперь расскажите мне, чего же желает ваша невестка, к чему она стремится, о чем мечтает, думает...

Алисия подбирала слова весьма осторожно. Но Эдоард все равно удивился.

– Производство?

– Лилиан показывала мне кое-что из своих изделий. Ваше величество в том, что касается стекла, кружева... я бы сказала, что такие вещи надо поощрять.

– Например?

Алисия достала из сумочки маленькую игрушку. Лиля сама делала. Да, сложно. Но при должном старании, умении, хорошем стекле, а главное – когда не в первый раз...

Стекланная кошечка с бантом была выполнена не из самого лучшего стекла – на взгляд Лили. Не совсем тот оттенок, можно бы и получше, поизящнее, но Алисия восхитилась искренне. Кошечка вышла с розоватым отливом, большим бантом и изящно завернутым хвостиком.

– И это все?

– Остальное Лилиан хотела показать вам и только вам. Но это стоит внимания, Ваше величество.

Эдоард кивнул.

– Я посмотрю. Хотя и такие поделки весьма милы.

– А сервизы из стекла? А окна? Зеркала?

– Целые окна?

– Лилиан не объясняла мне, но я так поняла, что при определенном оборудовании она может сделать стекло ростом с человека.

Алисия развела руками.

Эдоард задумался.

– И что же хочет графиня Иртон?

– Она понимает, что такие дела должны принадлежать государству. И готова обучить мастеров, объяснить, показать, помочь наладить...

– Разумеется, не бескорыстно?

– Недаром Ваше величество первый на земле после Альдоная, – усмехнулась Алисия.

– Полагаю, вознаграждение в тридцать процентов прибыли первые лет пятьдесят – это вполне щедро.

Услышь это Лиля – сделала бы большие глаза и присвистнула. С ее-то планами?

Да она через десять лет на золоте спать будет. Если захочет. А то холодно, жестко и попа мерзнуть будет.

Но и Эдоард считал это разделение справедливым. Да, мастерские будут на его земле. За королем охрана за королем материалы, работники, грубо говоря – база. Но знания и идея...

Сколько они могут стоить?

Иногда – они бесценны.

– И это все?

– Нет, Ваше величество. Еще моя невестка хочет для себя титул.

– Вот как? Зачем?

– Барон Брокленд – ненаследный барон. Во втором поколении...

– А Лилиан хочет чтобы ей, как третьему поколению Броклендов дали титул – и он стал наследным?

– Да. Она останется графиней Иртон. А потом, если все будет благополучно – титул Броклендов перейдет к ее второму сыну.

– Разумно.

– Или к тому сыну, который унаследует способности деда. Лилиан сказала, что восхищается отцом и хотела бы, чтобы династия корабелов...

– Можете не продолжать. Что ж, мне это нравится. Если ваша невестка сможет доказать свою пользу короне – будет ей титул.

Алисия улыбнулась.

В принципе, Лилиан Иртон просила немного. Титулы ничего не стоят королям. А земли у Августа уже есть.

– Более того, если она подтвердит свои авансы, я дам ей доверенность на управление Броклендом.

– Ваше величество?

– Ее изделия обещают многое. Вот и посмотрим. – Король чуть улыбнулся. Ничего неприличного он в виду не имел – и зря Алисия так встревожилась. Эдоард считал, что ему и так крупно повезло в жизни. У него была любовь и счастье. Мало? Невероятно много. – Август не вечен и после его смерти поместье должно будет кому-то перейти. Ну так вот. Я сделаю титул Броклендов наследуемым – и пусть Лилиан Иртон управляет поместьем до совершеннолетия сына, которому его передаст.

– Ваше величество, это так щедро...

– Корона не скупится там, где речь идет о ее верных и преданных слугах, – Эдоард чуть улыбнулся. – Что еще вы можете рассказать о Лилиан?

* * *

– Алия, милая, как ты?

Амалия, изрядно подурневшая на последних месяцах беременности, посмотрела на мужа.

– Вот так. Как корова...

– Ты стала еще прекраснее, милая. Поверь мне...

Амалия скривилась. Но спорить не стала. Она видела, что безобразно растолстела, что по лицу идут противные пятна, а отеки превратили некогда стройные ноги в тумбы. Но скоро уже рожать, очень скоро.

С первыми детьми такого не было.

Может быть, это из-за перерыва? Но...

Ладно, не надо сейчас об этом.

Женщина коснулась рукой живота. Ребенок тут же ткнул ее ножкой.

– Скоро рожать. Срок уже пошел на дни.

– Милая, я выписал тебе самых лучших докторусов. Чтобы они были неотлучно рядом с тобой.

Амалия кивнула.

Она слушала мужа, смотрела на него.

Милый Питер. Такой добрый, такой любящий, такой...

Такой – не тот.

* * *

Следующие три дня загородное поместье Алисии превращалось в филиал дурдома. Быстро и верно.

Дом поделили на несколько частей – и все устроились группами. Вирмане, ханганы, Лиля со своими людьми...

Вся эта масса народа шумела, устраивалась, ругалась, тут же мирилась, искала шестьдесят две совершенно необходимых вещи, наскоро отмывала особняк...

Если бы Лиля не понимала, что это ненадолго – точно бы плюнула и сбежала до ближайшей границы.

Потому что ей доставалось за все и от всех.

Во-первых, за нее серьезно взялись Марсия с подругами. Девушки твердо были уверены, что графиня, ИХ графиня должна блистать. Поэтому надо пересмотреть платья, еще раз подогнать, а то бедная графинюшка так похудела за время путешествия на корабле, что просто ужас! Это же столько переделывать...

Во-вторых, с Марсией упоенно ругалась госпожа Тримс. Местная лаверийская супермодистка. Только вот те времена, когда девчужки дрожали от каждого рыка своей хозяйки, давно прошли. Все Лилины мастерицы осознавали, что они – уникальные специалистки. И готовы были отстаивать свое мнение. Поэтому перья и банты летели во все стороны.

Лейс и Лейф на пару, как два сиамских близнеца, гоняли своих воинов. Как-никак, личная дружина графини Иртон, не хвост кошачий. Все должно блестеть и сиять. И возражения не принимались.

Ханганы тоже не собирались ударить в грязь лицом, поэтому на их часть дома перебрался весь наличный состав посольства. И после кучи поклонов и восхвалений, там началось почти то же, что и у Лили. Только тут в качестве жертвы выступал Амир Гулим.

Пыталась удрать на конюшню от суматохи Миранда, но куда там. Лиля лично отловила малявку и заявила, что если она идет ко двору, то и Мири идет ко двору. И плевать, насколько это не положено.

Алисия подумала было, но возмущаться всерьез не стала. Пусть.

Там есть Анжелина и Джолиэтт, может быть с ними у Миранды отношения сложатся лучше, чем с Сэсси и Джесом Ивельенами.

А еще были лекари, которым надо было уделять время, Лидарх, который неплохо перенес морское путешествие, но тоже требовал любви, внимания, понимания и конных прогулок, мастера, которых устраивал у себя Август...

Но рано или поздно кончается все.

И вечером третьего дня Лиля обнаружила себя сидящей в том же кресле у камина.

Подошла Мири, ткнулась головой под мышку. Привычно забралась на колени – и Лиля приобняла девочку.

Улеглись рядом на ковер собаки.

Прибежал откуда-то один из мангустов Тахира и тоже свернулся клубком на каминной полке, свесив хвост.

Женщина и девочка долго молчали, наслаждаясь тишиной.

– Мама, я боюсь...

– Чего, маленькая моя?

– Завтра с утра нам ко двору, там же король...

– И что? С принцем ты уже знакома.

– Амир... он хороший.

– И Его величество Эдоард – тоже, честное слово...

– А меня там точно не обидят?

Лиля рассмеялась и поцеловала малышку в нос.

– Мири, милая... рядом с тобой буду я, рядом с тобой будет Ляля, а еще наши люди, и у тебя даже есть нож и ты умеешь им пользоваться... так кто рискнет тебя обидеть?

– Сэсси и Джес надо мной все время смеялись...

– Пришла твоя пора взять реванш...

– А ты точно меня защитишь, если что?

- Обещаю. Никто тебя не рискнет обидеть. А если кто-то рискнет – я его сама прикончу.
- Честное слово?
- Ну, барона Донтера мы ведь прибили?
- Мири сильнее прижалась к женщине.
- Лиля, ты хорошая...
- Ты у меня тоже замечательная малышка. Я тебя очень люблю. И никому никогда не позволю обидеть.
- Честное графинское?
- Честное графинское.

Глава 3

Мы к вам приплыли на прием... Привет! Бонжур! Хэллоууууу!

Лиля хоть и успокаивала ребенка, но сама все равно нервничала. И только железная выдержка хирурга позволяла ей казаться внешне спокойной. Так, что Алисия только головой покачала.

Лиля шутила с Мирандой, гладила собак, спорила с Лонсом, грозила пальцем Амиру в ответ на его комплименты и графине и ее «ослепительной, словно ласковое утреннее солнце дочери»... короче вела себя, как и всегда.

И радовалась, что на ней тоненькие кружевные перчатки. Ногти грызть в таких не получалось. Абсолютно.

Итак, дворец Его Величества Эдоарда восьмого, а до него и еще семи Эдоардов.

Какой же он?

Лиля в жизни не бывала во дворцах, но первое впечатление у нее было – Замок. С привидениями и драконами. И обязательно башнями.

Если бы девушка хотя бы немного увлекалась историей в своем мире, она бы решила, что дворец напоминает Хемптон-Корт. Только построенный из белого кирпича и не настолько расширенный. Не было тут знаменитого Генриховского корта, не было фонтанов, да и размеры были раза в два поменьше, но тем не менее...

Увы.

Кругозор Лили имел и обратную сторону.

Она многое умела и любила делать руками. Но... многое ей было и неинтересно. Например, все гуманитарные предметы (история, литература, философия), математика, физика...

Так что резиденцию английских королей девушка не видела даже на картинках. А зачем? Лучше еще раз освежить в памяти анатомию, это полезнее...

Что понравилось женщине – так это огромный парк вокруг замка.

Естественно, это была загородная резиденция, где Эдоард предпочитал проводить весну. Тут были в изобилии посажены сирень, жасмин, жимолость – и когда они расцветали – перебывало даже благовожание придворных дам и кавалеров.

Лиля была очарована.

Сначала.

А потом, по мере подъезда...

Дорога могла бы быть и получше, под кустами попадались следы жизнедеятельности организма, трава была не слишком ухожена, до английских газонов тут еще не додумались... да и сам дворец – издали смотрелся великолепно. А вот поближе...

Строили его явно в разное время. И в разных стилях. В результате – была определенная дисгармония.

Хотя – не стоит придирааться. Это же средние века, а не Ренессанс или Возрождение. Хотя два последних слова Лиля просто не помнила. Оно ей надо – медику?

Зато Мири пребывала в восторге, вертелась, крутилась и довела Лилю до того, что женщина пригрозила взять малявку на поводок вместе с собаками, если та не успокоится.

Подействовало.

Минуты на три. Но – ребенок... что вы хотите?

На въезде их встретили, увидели в карете Алисию, взглянули на приглашение с печатями – и тут же пропустили внутрь.

Карета загрохотала по щебеночной дорожке, и Лиля стиснула зубы. Кто-нибудь изобретет эти клятые рессоры – или нет?! Надо бы ехать с Лейфом верхом, но куда там! Платье помнется, прическа угробится...

Паланкин не подходил по простой причине. У Лили в нем открывалась морская болезнь. Капитальная. А пешком графини тем более не ходят.

Оставалось только терпеть.

Но вот и дворец.

М-да.

Первое, что могла сказать Лиля – историческое хроники врут. Хронически.

И не договаривают про то, что дворец – грязный. Просто до кошмара. И воняет от него соответственно.

А еще молчат про узкие окна, про чадающие факелы и лампы, про пыль и паутину...

Про то, что у лакея на ливрее подозрительные пятна и воняет от него так, что собаки шарахнулись.

Про то, что у парадного подъезда всегда толкуются бездельники – и Лиля, не успев выйти из кареты, стала объектом внимания. Въезжать на территорию дворца можно было или королевским каретам – или по специальному приглашению. А карету Лилиан взяла у Алисии.

И перекрасила.

Алисия каретой практически не пользовалась – и та заросла грязью. Поэтому конюхи, прибывшие с Лилей, три дня приводили карету в порядок, матерясь во весь голос. Белые и зеленые тона, герб Иртонов на дверцах, белые занавески, посеребренные спицы колес...

Понты?

И что?

Это так же, как и в России.

Если ты жена губернатора, ты не сможешь ездить на жигулях. Твоего супруга местная дума так просклоняет...

А Лилиан Иртон...

А кто она такая?

Да никто. Пока – ноль без палочки. Ибо палочка, то есть супруг отсутствует на законном месте. И выглядывать из-за сильного плеча не выйдет. А значит...

Вот представьте себе.

Подъезжает к ресторану ржавый запорожец, выходит оттуда девица в драных джинсах и самосвязанном свитере – и топает на вечеринку. Реакция присутствующих?

Да обсмеют ее со всех сторон и загонят под плинтус. И даже если девчонка достаточно зубаста и языкаста – все равно толку не будет.

Или... к ресторану плавно подруливает белый вольво последней модели и оттуда изящно выгружается нимфа в платье от Карден. Или Шанель. И в брюликах...

Разница очевидна. Так что можно и на серебряную краску разориться за жуткие по местным меркам деньги. И тихо подумать: «погодите у меня, умники».

Бокситов и нефелинов в природе должно быть много, надо их только найти. А уж получить алюминий – вопрос времени и терпения. И алюминиевую пудру – тоже.

Ну да ладно. Это потом.

А сейчас Лиля выполняла свою программу.

Карета остановилась. Сопровождающий ее вирманин (Лейф в начищенной кольчуге производил такое сногшибательное впечатление, что собаки не лаяли. Они – падали) подошел к карете и распахнул дверцу.

Несколько придворных, прогуливающих по дорожкам неподалеку от парадного входа и увлеченно сплетничающих, в шоке наблюдали, как первой из кареты выпрыгнули две здоровущие собаки.

Нанук и Ляля. И замерли в классической позе – уши торчком, хвост неподвижен, тело напряжено, носы настороженно нюхают воздух, глаза сканируют пространство на угрозу хозяикам...

Лиля еще сомневалась – брать их с собой или не брать, но Алисия махнула рукой. Мол, с королем согласовала, разрешение получено, а если по дороге кого и покусает... Авось, не отравятся.

Да и придворная шваль будет покорректнее. Собака – она ведь не человек, на дуэль вызывать не станет.

Далее из кареты появилась... куколка.

Иначе и не скажешь.

Маленькая девочка в белом и зеленом была очаровательна.

По размышлению, Лиля остановилась на зеленом платье. И для Миранды – и для себя. Мало ли что, в белом раз по траве прогуляешься – и больше этого не сделаешь.

Поэтому – пока что благородная зелень.

Белыми были – и у нее, и у девочки: кружевные перчатки. Кружевной пояс. Кружевные воротники и манжеты. У Миранды еще и громадный белый шелковый бант на макушке. Окончательно превращавший девочку в фарфоровую куколку.

Оценили единогласно – минутой восхищенного молчания.

Вслед за Мирандой показалась Алисия.

Она была одета довольно просто. Зачем «гадюке» бриллианты? Да и траур, опять же...

А потому – скромное темно-темно-зеленое платье, которое оживляли графские изумруды и белый кружевной воротник. Из роскоши – брошь на платье. Белый янтарь в золоте. Если быть точной – камей. Идею Хельке опять же подсказала Лиля. А ювелир оценил и сделал несколько штук. Одну из которых и презентовали Алисии. Женщина приколола ее у горла и довольно кивнула.

Такого тут еще не делали. Но – красиво.

Придворные зашущукались, видя, как девочка кладет руки на холки псам. Как Алисия что-то говорит малышке – и та серьезно кивает.

Но вирманин подал руку еще раз.

И из кареты появилась третья женщина.

Солнце вспыхнуло на золотых волосах, превращая их в корону.

Сама Лиля замаскировала графский браслет широкими кружевными манжетами – и нацепила жемчуга. Август расстарался и добыл для любимой дочурки.

Длинная нитка жемчуга на шее, кольцо с жемчужиной, жемчужные серьги (это уже Хельке) – и несколько нитей жемчуга в золотых волосах.

Вот с прической Лиле пришлось сложнее всего. Миранде можно было завязать бант. Алисия волосы укладывала по моде двора – в нечто, напоминающее улитку, и закрепляла кучей шпилек. Но у нее и волосы были длиной до лопаток.

А у Лили-то коса. Да какая!

Если такую тяжесть на голове закрепить – мигрень обеспечена. А посему Лиля плюнула – и заплела обычную «французскую» косу. Только с помощью Марсии вплела в нее жемчуг и кружево. И дорого и просто. Чай, не бал, простой прием...

Хотя для этого мира и такой метод плетения стал новинкой. Алисия оценила.

Лиля огляделась, улыбнулась – и кивнула Мири.

– Малышка?

Миранда послушно вложила ладошку в руку женщины. На окружающих обе не обращали никакого внимания. Сами придут и сами познакомятся. Любопытство – оно такое...

Алисия осмотрела женщин – и кивнула.

– Идемте.

Лейф кивнул своим людям. Мужчины подхватили три ящичка с подарками – и направились вслед за дамами. Вообще во дворце вирман не слишком жаловали. Ативерна – морское государство, вирмане – морские разбойники... куда уж дальше. Но в данном случае Лиля ничего не нарушала. Это вовсе не охрана, не может же благородная графиня сама таскать подарки?

Нет, никак не может.

И перед графиней Иртон зазмеились коридоры королевского дворца.

* * *

Честно говоря, Лилия не раз порадовалась, что надела зеленое платье. И что на ней не десяток нижних юбок (как полагается), а всего две штуки. И те очень легкие. Их можно было подхватить руками и не подметать полы.

А полы были грязные. Научить благородных дворян вытирать ноги никто не додумался. Научить их не гулять по животным и человеческим отходам жизнедеятельности тоже – и в результате на полу был определенный след, а в замке пованивало таким специфическим духом компостной кучи. К тому же пол был посыпан соломой. А к этой сельхозкультуре Лилия относилась весьма недоверчиво, после того, как они один раз с Лешей попробовали воплотить в жизнь исторические хроники. А попросту – заняться любовью в стогу сена.

Потом, простите, неделю солому из всех мест вытаскивали.

Миранда, поглядев на маму, тоже приподняла платье.

– А они тут полы не моют?

– Подозреваю, что просто выметают солому и сжигают, – пробормотала Лилия, лихорадочно вспоминая, что, кажется, в этой соломе еще и блохи живут... нет, если она хоть одну на себе или Миранде потом найдет – она весь этот «версаль» щелочью зальет. От подвалов – до крыши!

А собак надо сразу же искупать. Вот как только вернемся – так и сразу.

– Фи!

Лилия едва не фыркнула. Много ли надо ребенку? Полгода не прошло, а мелочь уже нос морщит при виде грязи. А, ладно! Вот если удастся – она тут еще римские термы откроет! С массажем и бассейном. И будет долго прятаться от местной инквизиции.

Мимо дам прошел один из знатных кавалеров. Чуть поклонился, проследовал дальше... донесся весьма характерный звук. Товарищ явно позавтракал горохом.

– Фи! – еще раз повторила Миранда.

И Лилия впервые подумала, что мужу малявки придется тяжело.

Коридоры кончились неожиданно, и Лилия едва не уткнулась носом в большую тяжелую дверь.

– Кто? – выскочил какой-то нещадно раздушенный тип.

– Ее сиятельство графиня Иртон, с подарками для Его величества и Их высочеств, – ледяным тоном ответила Алисия.

Тип прищурился.

– Откройте ящики, я должен проверить, что там нет яда...

Лилия посмотрела на Алисию, но та кивнула. И женщина махнула рукой вирманам.

К подаркам тип не притрагивался. Посмотрел, кивнул – и разрешил закрыть крышки.

– Девочка?

– Моя дочь, виконтесса Иртон.

Мужчина кивнул и сделал отмашку лакею. Слуга распахнул двери и рявкнул так, что Лилия едва назад не шарахнулась.

– Ее сиятельство графиня Иртон, ее сиятельство вдовствующая графиня Иртон, виконтесса Иртон!!!

Мири крепко вцепилась в надежную материнскую руку.

И Лиля сделала шаг вперед.

Тяжело это?

Неприятно.

Особенно когда на тебя смотрит куча народу. С другой стороны – не отвечали вы, граждане, на семинарах! Особенно совместных! Когда народу в зале полторы сотни студентов. А тебе еще доклад делать... и сделаешь! Ты потом хоть опишайся, но пока ты на людях – страх долой! Нахальство в руки!

Лиля ощутила, как привычно расправляются плечи, а на лице проявляется знакомая насмешливая улыбка.

Кто тут против меня?

Кому-то жить надоело?

Исправим...

И они двинулись.

Поплыли.

Прошествовали.

Впереди – ледоколом – Алисия. За ней две собаки с весьма недружелюбным выражением лица. Сначала женщина хотела оставить собак дома, но потом поговорила с Алисией и поняла, что собака при дворе – явление житейское. Так что Нанук и Ляля тоже были приглашены.

За собаками двигались Лиля и Миранда. И замыкали процессию вирмане, недовольные, но ящики-то доставить надо!

Алисия остановилась внезапно. Вперед Лиля не смотрела, стараясь сберечь платье и не вляпаться куда-нибудь на полу, поэтому даже удивилась. А потом свекровь склонилась в поклоне.

– Ваше величество.

Лиля выпустила ручку Миранды. И тихий, на грани слышимости, шепот.

– Малышка, делай, как я...

А теперь юбку придержать, голову склонить, грудь вперед, зад назад – и присесть. Глубоко и уверенно. В ту позицию, которую все, занимающиеся боевыми искусствами ощутили на себе. Киба дачи.^{2}

А то ж!

Все равно под юбкой ног не видно, даже и кончики туфель из-под них не торчат, а в такой позиции Лиля могла сидеть часа полтора. Раньше.

Сейчас – минут десять, не рискуя ляпнуться на заднее место. Нет, а вы что хотели? Плие и гранд батман?^{3} Ага, особенно второе. Тогда она точно произведет фурор, потому как задом в солому это круто...

Лонс, когда увидел – был в шоке. Сначала. В юбке-брюках это ведь не скроешь. А потом призадумался. Отрепетировали пару раз в широкой юбке – и получилось неплохо.

– Можете подняться, – разрешил высокомерный голос.

Лиля так и сделала. И не удержалась – бросила взгляд из-под ресниц.

² Киба-дати (яп. *стойка всадника*) – статичная боевая стойка. Присутствует во многих видах восточных боевых искусств. Название происходит из-за схожести положения человека в этой стойке и положения всадника, сидящего на лошади.

³ Батман (фр. *battement* – взмах, удар от гл. *battre* – махать, взмахивать, ударять, отбивать такт) – движение классического танца, представляющее из себя какое-либо отведение, приведение или сгибание одной, работающей ноги стоя на всей стопе или на полупальцах (пальцах) другой, опорной – вытянутой или согнутой в колене, а также с одновременным выполнением приседания, подъема на полупальцы (пальцы) либо опускания на всю стопу. Батман – общее наименование для всей группы движений; конкретизация достигается при помощи добавления прилагательного (*tendu* – вытянутый, *piqué* – колющий, *fondu* – тающий, *grand* – большой, *petit* – маленький и т. д.). Совокупность этих движений – необходимый элемент для совершенствования техники классического танца: с помощью батманов отрабатывается умение правильно отводить ногу и приводить её обратно в позицию, сгибать и разгибать её, вытягивать и поднимать на любую высоту в каком-либо направлении и с любой скоростью. Материал из Википедии – свободной энциклопедии.

На троне сидел симпатичный мужчина лет так шестидесяти. То есть тут ему на десять-пятнадцать меньше, однозначно. Но Лиля все равно восхитилась. Потому что человек в короне был сильно похож на Шона Коннери.

Вот если бы Шон был блондином – и сероглазым – было бы самое оно. По левую руку от коронованного типа сидели две симпатичные девчушки. Одна чуть постарше, с более капризным выражением лица, вторая определенно чуть помягче. Но на отца были похожи обе. Как более женственные копии. Овалы лица, форма надменных губ, улыбки... Принцессы? Да, наверное. Старшая – Анжелина, помладше – Джолиэтт.

– Мы рады видеть вас при дворе, графиня.

Лиля бросила быстрый взгляд на Алисию. Та чуть опустила глаза, мол, можно.

– Ваше величество, я счастлива, что вы удостоили меня своим вниманием.

– Вы, графиня, человек необычный, а необычные люди всегда привлекают внимание, где бы они ни находились.

Лиля сделала еще один реверанс. Мол, благодарю за комплимент.

– Надеюсь, дорога не слишком утомила вас?

– Нет, Ваше величество. Ради исполнения вашего повеления, я готова была проделать и втрое больший путь.

Эдоард перевел глаза на Миранду. Лицо его чуть смягчилось.

– Юная виконтесса... как поживаете, госпожа?

– Ваше величество, – девочка явно подражала Лиле – Я счастлива, что вы пригласили нас...

– Вы замечательно выглядите, виконтесса...

– Ваше величество, – Мири держалась с несвойственным ее возрасту достоинством, – я старалась.

Прозвучало это так, что Лиля искренне улыбнулась. Малышка...

И только потом поняла, что Эдоард смотрел на нее. Говорил он с Мирандой, а реакции отслеживал у нее. И кажется, остался доволен увиденным. Ну да...

– Я доволен вами, графиня. Задержитесь, после приема я хочу побеседовать с вами и вашей дочерью.

Лиля присела в реверансе.

– Ваше величество, ваша воля – закон для меня. Позволено ли мне будет вручить вам мои скромные дары – и отпустить моих людей?

Эдоард подумал пару секунд – и чуть склонил голову.

Лиля кивнула вирманам.

В этот раз она сделала упор на стекло. И приготовила три ящичка. Подарки Алисии она уже вручила. Амалии – все еще впереди.

А сейчас...

– Что это?

Лейф, Олаф и Ивар сделали несколько шагов, отрепетировано опустились на одно колено – и протянули три ящичка. На крышке каждого была вырезана корона. Но королевский ящик был самым большим. Ящички для Анжелины и Джолиэтт поменьше.

Девочки бросили взгляд на отца – и тот милостиво кивнул. Еще бы. Смотрели они, как два щенка, только что хвостами не виляли.

Малявки сорвались с мест и атаковали вирман. Которые распахнули перед ними ящички.

Митенки^[4]. Кружевные, отделанные янтарем. Красивая штучка. Сделать несложно, выглядит шикарно. И промахнуться с размером сложно. Возьми ребенка примерно в том же

⁴ Митенки, митёнки (ед. ч. – митенка фр. mitaines) – перчатки без пальцев, удерживающиеся на руке с помощью перемычек между пальцами или за счёт пластических свойств материала, из которого они сделаны.

возрасте, обмерь руку – и вяжи. У Лили такие были. Давно, она тогда на восточные танцы ходила. Сама себе крючком связала дня за четыре.

Девочки переглянулись, не понимая. Лиля подтолкнула Миранду. Малышка аккуратно раскрыла свой веер на запястье. Обмахнулась, прикрыла лицо, хлопнула ресницами и задорно подмигнула из-под кружева. На девочке были именно что митенки. Чтобы удобнее было. Сама Лиля постарается быть осторожной. А Миранда – ребенок. Мало ли за что зацепится...

Принцессы оценили. И тут же опробовали новинку. Лиля подумала, что угадала. Что приятно – митенки не мешают носить кольца.

И потянули ручки ко второй игрушке. Лиля исходила из того, что принцессы прежде всего девочки. А девочкам интересно что?

Всякая мелочь.

Поэтому Лиля аккуратно выдула из стекла несколько фигурок. Таких, что не требуют усилий.

Кот, собака, змея... тут главное было довести и не разгрохать. Как поняла Лиля, стекло в этом мире пока еще было некачественным, про цветное вообще говорить было страшно – стоит жутко дорого, а уж про такие милые мелочи и вовсе говорить не приходилось. Технологии не доросли. Вот, лет через пятьдесят... но пока нету – лучше мы воспользуемся.

Стеклянные игрушки вызвали восторженный писк. И до третьей новинки дело дошло минут через пять.

Калейдоскоп.

Самый простой калейдоскоп.

Такой был и у маленькой Али, разве что в пластиковом корпусе. А тут... металл и стекло. И получилось...

Глядя на ошалелые лица принцесс, Лиля поняла – девчонки ее. С потрохами. Они дорвались до игрушек.

Эдоард только головой покачал. Кажется, ему тоже было любопытно, почему ахают девочки, держа у глаза металлическую трубочку, но не при всех же? Потом еще расспросит...

– Ваше сиятельство, вы уже второй раз смогли угодить моим дочерям.

– У меня тоже дочь, Ваше величество.

Подтекст Эдоард понял. Что понравилось Миранде, то и принцессам понравится. Дети ведь... И еще один. У меня дочь. Не у нас, не у моего мужа, нет. У меня. Графини Иртон.

И это Эдоарду понравилось. Как ни крути – внучка. Сына король любил, но понимал, что воспитанием девочки должна заниматься мать. А судя по последним происшествиям... король мог оценить сдержанность графини. На ее месте он давно бы потребовал разъезда. Как минимум. А она терпит. Ради Миранды?

Да, скорее всего. Стоит только увидеть, как она смотрит на малышку. С любовью и нежностью. Так и Джессимин смотрела на своих дочерей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.